

ВАЛЕРИЙ ПЫЛАЕВ

ВИДЯЩИЙ 5

Видящий. Гардарика

Валерий Пылаев

Видящий. На родной земле

«1С-Паблишинг»

2020

Пылаев В.

Видящий. На родной земле / В. Пылаев — «1С-Публишинг», 2020 — (Видящий. Гардарика)

Главный герой Антон Смирнов в свои тридцать лет неожиданно-негаданно лишается враз и работы, и жены, своевременно собравшей чемоданы. Личностный кризис оказывается прекрасным поводом ввязаться в авантюру. С подачи друзей герой регистрируется в виртуальной игре «Гардарика». Но вскоре он поймёт, что виртуальная реальность совсем рядом с нашей повседневностью. Грызня кланов вот-вот выльется в войну в действительной жизни, а некоторые друзья и враги кажутся Антону смутно знакомыми... Предательство и серьезный удар, нанесенный герою, заставляют его бежать на юг – в земли, где правит князь Мстислав. Чтобы получить там пристанище, приходится повоевать на стороне князя, а между тем, ситуация в этих землях тоже беспокойная. Грядет война.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валерий Пылаев

Видящий. На родной земле

Глава 1

– Вот, значит, как...

Дебаф от раны в живот еще не успел свалиться, но я все же нашел в себе силы хотя бы сесть – не разговаривать же с создателем этого мира лежа.

– Удивлен? – поинтересовался Гримнир-Романов, опускаясь на корточки у костра.

Движение у него вышло легким и непринужденным – и облик длиннорободого старца меня больше не обманывал. В реале покойный... нет, как выяснилось – весьма условно покойный – Романов не мог ходить вообще, а здесь, похоже, приобрел завидное здоровье и физическую форму. «Истинное зрение» показывало совершенно невыдающегося бродягу третьего уровня с подсевшими от старости Характеристиками, но это была лишь маскировка. Как и поношенный плащ, дырявые сапоги и выдавшая виды шляпа с пожеванными краями.

Впрочем, на одежде внешняя непрезентабельность игрового аватара Романова и заканчивалась. Ростом и шириной плеч старикан Гримнир едва ли уступал Рагнару. Сейчас он походил на слегка пошарпанную версию Гэндальфа из всем известной книжки, но я почему-то без труда представил его и в совершенно другом облике: верхом на восьминогом жеребце Слейпнире, в сияющих доспехах и сжимающим в руках волшебное копье Гунгнир...

И все же Гримнир – не Один. По каким-то неведомым мне причинам Романов решил «оцифроваться» не в Отца Богов и Людей, а в бродячего колдуна... Как он сам говорил – ночного сторожа со связкой ключей, фонариком и дубинкой. Не более – причем дубинка, кажется, досталась мне.

– Удивлен? – переспросил я. – Честно – уже не очень. Наверное, скоро разучусь окончательно.

– Но вопросов у тебя, наверное, стало только больше? – Романов подстелил под себя полу плаща и протянул ноги к огню. – Верно?

Еще как верно. Если бы невозможное не происходило вокруг меня последние две недели почти без перерыва, я бы, пожалуй, уронил челюсть не то что на землю, а прямо в Хельхейм. Романов в очередной раз сотворил чудо и смог сбежать в вирт от самой смерти. Уж не знаю, что стало с телом демиурга там, в реале – но его разум переместился в цифровое воплощение. Если только...

– Сигнатуры персонажей уникальны, – усмехнулся Романов, будто прочитав мои мысли. – Кроме тебя никто не смог бы натянуть шкуру Антора – так что и это тело мое и только мое. Можешь не сомневаться.

– Верю, – буркнул я. – Но в таком случае вы теперь...

– Бессмертен, – кивнул Романов и тут же поправился: – Фактически бессмертен. При некоторых обстоятельствах моя цифровая личность может быть удалена безвозвратно. Также я, вероятнее всего, прекращу существовать при одновременном выключении более девяноста пяти процентов компьютеров, подключенных к всемирной сети. Но старость мне больше не грозит.

Романов довольно потянулся, будто бы еще раз примеряя непривычное тело. Здоровое, сильное и молодое – на солидный возраст Гримнира указывала только длинная седая борода – неременный атрибут странствующего волшебника. Нам с Катей еще предстояло прятаться от Павла Викторовича и его армии, но для Романова все неприятности, похоже, уже закончились.

Хитроумный старец изящно ускользнул и от врагов, и даже от самой смерти. И теперь вполне мог посмеяться над ними обоими.

Но как... Йотуновы кости, это же бессмертие! Пусть с потерей хрупкой физической оболочки – и все же!

– Вы снова переворачиваете все с ног на голову, – вздохнул я. – Но это... многое объясняет. Как вам удалось?!

– Я вряд ли смог бы объяснить это даже специалисту в области виртуальных технологий... или в области биофизики. – Романов усмехнулся, подтягивая колени к груди. – Хотя бы потому, что сам до конца не понимаю. Не думай, что технология переноса сознания уже давным-давно изобретена и отлажена. Я – лишь опытный образец...

– Первый? – тут же спросил я. – Или были и другие? Вы уже пробовали...

– А вот этого, Антон, я тебе не скажу. – Романов вмиг посерьезнел. – Как ты понимаешь, ставки сейчас слишком высоки.

– Ладно, – сдался я. – Вы нашли способ переноса сознания в вирт. Возможно, где-то неподалеку бродит еще некоторое количество вам подобных... И это целиком и полностью объясняет интерес Павла Викторовича.

– Именно, – снова кивнул Романов. – Денег у него достаточно, но вечную жизнь за них не купишь. Так что теперь он пойдет на все, чтобы...

– Технология известна только вам? – Я впился в собственную бороду – будто это хоть как-то могло привести в порядок буквально плавающие от бешеного вращения шестеренки в голове. – Какие-нибудь прототипы, записи...

– По сути – ничего. Есть кое-какие рабочие журналы пятилетней давности, ошметки кода на списанных винтах – но все по-настоящему ценное я успел отформатировать. – Романов хитро улыбнулся и постучал себя пальцем по лбу. – Рабочий протокол остался только здесь, и теперь ему не грозит даже Альцгеймер.

– Монополия на бессмертие? – хмыкнул я. – Кажется, я начинаю понимать, почему Павел Викторович утверждает, что вы его «кинули», Алекс.

– Я не мог поступить иначе.

– Почему? – Я тряхнул головой. – Вечная жизнь. Продукт с абсолютным спросом – и без единого аналога. Денег бы хватило на всех... тем более, что вам они уже как будто не нужны.

– Антон, ты же неглупый молодой человек, – усмехнулся Романов. – Подумай еще раз. Не все и не всегда упирается в деньги.

– Тогда во что? – Я помассировал виски – похоже, излишнее напряжение мозгов организовало мне не иллюзорную, а самую настоящую головную боль. – В чем подвох?

– Ты хочешь жить вечно, Антон? – Романов вдруг подался вперед. – Оцифровать сознание – предположим, это действительно сработает без побочных эффектов – и получить это самое бессмертие? Прямо здесь, в этом мире?

– Это два разных вопроса, Алекс. – Я пожал плечами. – И оба с подвохом. Разумеется, я хотел бы жить вечно – в теории. Но в игре...

– Вечная жизнь, Антон! – Романов не дал мне договорить. – Без боли, без старости, со сверхчеловеческими возможностями. Прямо здесь и сейчас. Что скажешь?

Он что, издевается? Или...

– Спасибо, не надо. – Я помотал головой. – Я не знаю, зачем вам этот тест на дурака, Алекс, но я не верю, что все бывает так просто. У меня есть и реальная жизнь. Не самая роскошная и успешная, но все же есть. Дом, друзья... родители, в конце концов. Возможно, когда-нибудь я и захочу навечно переехать в вирт, а то и стать каким-нибудь местным божеством – но уж точно не сейчас.

– Извини. Я просто должен был поставить вопрос ребром, – рассмеялся Романов. – И я рад, что тебе хватило ума и воли отказаться. Но вдумайся: ты молодой здоровый муж-

чина с питерской пропиской. Неглупый, образованный, обеспеченный самым необходимым, не лишенный таланта и – будем называть вещи своими именами – определенной внешней привлекательности...

– Спасибо, – буркнул я.

– Тебе есть, что терять, – продолжил Романов, ничуть не обращая внимания на мое ворчание. – Но ты можешь хотя бы представить, сколько людей отдали бы все за ту возможность, которую ты только что легко и непринужденно отверг?

– Старики... без обид. Инвалиды. – Я загнул сразу два пальца. – Неизлечимо больные...

– ...Те, кто никак не может принять свое тело, пол, возраст или социальный статус, – подхватил Романов. – Эскаписты. Неудачники. Адреналинщики, искатели приключений, взбунтовавшиеся подростки... в конце концов, поклонники фэнтези во всех его проявлениях. Этот список можно продолжать бесконечно. – Романов несколько раз сжал и разжал пальцы на обеих руках. – Я уже не говорю о том, что в вирте ты полностью застрахован от болезней, войн, падения астероида или наркомана, который зарежет тебя в парадной за мобильник и пару сотенных бумажек... Иными словами, в вирт пожелают сбегать все – рано или поздно.

– Ну и что? – Я подложил ноги под себя, усаживаясь по-турецки. – Равные возможности для всех...

– ...Бесплатно, чтобы никто не ушел обиженным? – Романов удостоил меня очередного снисходительного взгляда. – Антон, ты рассуждаешь, как строитель коммунизма. Рано или поздно человечество все равно придет к бессмертию – но сейчас мы к нему попросту не готовы – даже в такой форме. Представь себе, кто заполнит вирт в первую очередь! И вот все это ты хочешь увековечить?

– Попахивает сегрегацией, – поморщился я. – А как же права человека?

– Поверь, Антон, именно о человечестве я сейчас и думаю больше всего. – Романов развел руками. – Если бы я знал, что информация просочится... Ты же понимаешь, что мое изображение может грохнуть весь мир? И не этот, а настоящий!

– В таком случае, вы изобрели атомную бомбу, Алекс.

– Нет, Антон. – Романов протяжно вздохнул. – Я изобрел кое-что куда хуже атомной бомбы. И именно поэтому я хочу остановить все это – и прошу тебя помочь.

– Как? – Я снова потер виски. – Что я могу сделать? Здесь не поможет и десять «Светочей». Джинн уже вылетел из бутылки – и даже вам не под силу засунуть его обратно.

– И ты снова прав. – Романов опустил голову. – Мои алгоритмы уникальны и сложны, но воспроизвести их все-таки реально. Но сейчас они отстроены только в этой системе. Ты сможешь отбросить исследования лет на десять назад... Знаешь, что будет, если этого не сделать? Если мы проиграем?

– Конец реальному миру, – отозвался я. – «Гардарика», наполненная йотун знает кем, и во главе всего этого балагана – Павел Викторович с Клинком Всевластия.

– И это при не самом плохом раскладе, – кивнул Романов. – Нравится тебе такое будущее, Антон?

– Нет. И, видимо, именно поэтому я должен вам помочь, да? Но что я могу сделать?

– Об этом мы поговорим чуть позже. У меня теперь есть все время мира – и того, и этого. – Романов поднялся на ноги. – А вот у тебя его сейчас уже нет.

– Что?.. Какого...

– Просыпайся, Антон.

Глава 2

– Просыпайся, ярл.

Я открыл глаза... И, естественно, Гримнира-Романова уже не увидел. Таинственный старец исчез без следа – как и в нашу прошлую встречу – и вместо него надо мной появилось лицо Рагнара. Хмурое и озабоченное – если не сказать тревожное. Я искренне надеялся прожить хотя бы остатки этого дня без происшествий – но, похоже, не судьба...

– Пойдем, боярин. – Из-за плеча Рагнара высунулась борода Третьяка. – Сам Мстислав Радимич пожаловал. Говорить желает.

Ну, если желает – значит, надо идти. Я уцепился за могучую клешню Рагнара и с криком поднялся на ноги. О стреле, оставившей в моем теле чуть ли не сквозную дыру, сейчас напоминали только иконка дебафа и не до конца откатившаяся полоска здоровья. Расовая регенерация, мастерство Златы и Беркана почти закончили свою работу – но не прыгать же зайцем перед неписями.

Это уж точно вызвало бы кучу ненужных вопросов. Все без исключения жители «Гардарики» при каком-никаком лечении за сутки или двое оправлялись от самых страшных ран – но уж точно не за несколько часов. Так что и мне приходилось кряхтеть и морщиться, изображая давно ушедшую боль. Рагнар и Третьяк поддерживали меня под руки, но вскоре отпустили – видимо, шагал я достаточно уверенно. Да и негоже представлять немощным ни перед князем...

Ни перед воеводой. Я разглядел еще два паруса с Рарогом, неторопливо проплывающих над верхушками шатров – похоже, князь прибыл по реке, но еще не успел сойти на берег – а вот Ратибор дождался нас около лагеря. Когда мы с ним впервые встретились, я валялся на залитой кровищей палубе со стрелой в брюхе, так что ни пообщаться, ни даже толком рассмотреть княжеского воеводу не смог – но теперь уже ничто не мешало пялиться, сколько влезет.

– Чего уставился, боярин? – проворчал Ратибор. – Будто я девица красна...

Особой злобы в его голосе, впрочем, не было. А я не смог удержаться и улыбнулся – настолько забавной мне показалась только что придуманная ассоциация.

«Рерик на минималках».

Та же могучая стать и грозный взгляд, точно такая же окладистая седая борода поверх пластин брони... Да и сама броня чем-то напоминала доспех Рерика – с поправкой на местный колорит. Вместо секиры склафский двойник сэконунга носил длинный каплевидный щит, сейчас оставленный у ближайшего шатра, и здоровенную булаву на поясе. Закрепленный на полуметровой рукояти шипастый металлический шар весил, наверное, килограмм пять – и все же я почему-то не сомневался, что Ратибор умеет орудовать им достаточно быстро...

Проверять уж точно не хотелось. Попадешь под такую штуковину – и все. Не спасет ни шлем, ни броня, ни даже вовремя подставленный щит. Пробить сталь или дерево такая калабаха, может, и не пробьет, но без особых проблем превратит в кашу все, что под ними.

Но забавляло меня, разумеется, не это. При всей своей стати и немыслимой силище аж в одиннадцать единичек ростом Ратибор уступал даже мне – а уж великана-Рерика был ниже примерно на две головы, из-за чего при огромных плечах казался чуть ли не квадратным. Впрочем, едва ли кто-то из бояр или дружинников отважился посмеиваться над могучим воеводой. Проглядывало в нем что-то от былинного Ильи Муромца – старшего из богатырей. Не удивлюсь, если Ратибора гейм-дизайнеры в свое время «выводили» вручную – уж очень он получился колоритным.

Встреть я его в свои первые дни в игре – непременно принял бы за князя. Дружинники – от безбородых парней до седовласых ветеранов – поглядывали на него с явным уважением, а то и с опаской – но глаза самого Ратибора выдавали в нем воина, а не правителя. Он умел водить

дружину в бой и размахивать булавой, разбивая головы врагам князя Мстислава и жителей Вышеграда, но политика, альянсы и прочая муть его явно интересовали мало.

Причем не в силу природного скудоумия – сотни, если не тысячи сражений наверняка сделали его великолепным тактиком... Но не стратегом. Дипломатические выкрутасы требуют от князей именно того, чего Ратибор или не умел, или категорически не желал делать. Воевода со всей широты склафской души делил мир на черное и белое. На своих и чужих. Своих следовало защищать, а чужих – потчевать булавой.

И именно поэтому сейчас Ратибор явно чувствовал себя не в своей тарелке. Все его нутро буквально вопило, требуя немедленно истребить понаехавших на земли князя свеев, а их корабли разграбить, сжечь и пустить ко дну... Но за нас замолвил слово Третьяк – далеко не последний из вышеградских купцов, а Злата не побоялась буквально грудью броситься на мечи дружинников, закрывая невесть откуда взявшегося брата со странным именем Антор.

Который – если, конечно, не врал – родился где-то неподалеку, но теперь не только носил одежду и оружие северян, но и назывался ярлом. И служил конунгу Рагнару, отец которого в свое время изгнал с островов Саурана, который убил каменецкого князя Ратшу, который... В общем в голове у Ратибора шарики окончательно зашли за ролики, и он сделал единственное, что мог сделать в подобном случае неискушенный в дипломатических делах матерый вояка: переложил решение с больной головы на здоровую. Точнее, на голову князя. И теперь мы шагали через лагерь прямо к берегу – туда, где причаливали снечки.

– Смотри, боярин, чего учудите – враз голову расшибу. – Ратибор хмуро посмотрел на меня, поглаживая рукоять булавы. – А не сдюжу – так сам князь накажет.

– Да будет тебе, дядька Ратибор. – Я постарался, чтобы моя улыбка получилась одновременно и мужественной, и обаятельной. – Неужто забыл меня? А я вот помню – никак, заезжал ты с дружиной в нашу глушь, все такой же был, только волос седых поменьше.

– Может, и заезжал... Так годков-то сколько прошло, – проворчал в ответ Ратибор. – Много вас таких без подштанников бегало, всех упомнишь? Сейчас-то вон какой детина вымахал, одежи свейские напялил... ярлом величаешься. Уже, поди, и речь родную забыл, и село, где мальцом рос.

Ратибор то и дело отирал вспотевший лоб ладонью. Похоже, всемогущая Система прямо сейчас промывала ему мозги, заставляя вспомнить пацана из деревеньки за лесом. Точно такого же, как остальные – разве что чуть посмелее. Из всех детей маленький Антор первым отважился приблизиться к грозным княжеским дружинникам, а потом еще и попросил у самого воеводы Ратибора подержать меч. Сил в детских ручонках едва хватало, чтобы вытянуть клинок из ножен – но сдюжил, не уронил...

– Не забыл, дядька. – Я тряхнул головой, отгоняя невесть откуда взявшиеся ложные воспоминания – то ли чужие, то ли мои собственные. – Как забудешь. Родная земля – она и есть родная, видать, судьба мне сюда вернуться, да князю службу сослужить...

– Погоди. – Ратибор сдвинул косматые седые брови. – То не тебе решать. Князь сам рассудит, что ему с твоим конунгом делать – принять али прочь выгнать.

– Негоже нас гнать. – Я покачал головой. – Рагнар Бьернсон Саврошке каменецкому – кровный враг. Ужели не подружмся?

– Добро бы то было. – Ратибор, похоже, наконец-то проникся ко мне чем-то отдаленно похожим на симпатию. – Поглядел я на твоих молодцев – славная дружина. А если про тебя Златка не врет – сам Перун князю нового волхва пожаловал, Молчану старому на замену. Да только...

– Здравствуй, Ратибор Тимофеич. Что же за гостей ко мне ты привел? Разве не сказано тебе было свеев поганых смертным боем бить, ежели на землю вышеградскую ступить посмеют?

Голос из-за строя щитов звучал совсем негромко – но все услышали. И проняло – даже Ратибор на мгновение замедлил шаг, будто споткнувшись. А уж в глазах Рагнара появилась такая тоска, которой я не видел с того самого дня, как мы покинули Барекстад.

Не рады нам здесь, ох не рады... Но что поделаешь. Твой выход, Видящий.

– Здравствуй, Мстислав Радимич. – Я выступил вперед, нарушая и субординацию, и все мыслимые местные обычаи. – Не вели казнить, княже, вели слово молвить.

Глава 3

Князь Мстислав: задание выполнено!

Вы получаете 3 000 очков опыта.

– Ты кто таков будешь?

Строй щитов заколыхался и расступился, и навстречу мне вышел сам князь Мстислав. То ли у «Гардарики» закончились типажи, то ли кто-то из славных воителей севера давным-давно пошалил с девчонкой из склафов – правитель Вышеграда оказался чуть ли не копией Рагнара. Со спины и в одинаковых доспехах их не различила бы и родная мать. Даже лица похожи – только Мстислав успел загореть за лето чуть ли не дочерна. Возраста они были примерно одного, может, князь даже чуть помоложе – судя по рассказам Третьяка, Златы и Ратибора – но смотрелся он куда старше своих лет.

То ли из-за преждевременной седины, уже кое-где поблескивавшей в чуть выющихся русых волосах до плеч, то ли из-за шрама. Рагнару тоже приходилось сражаться во многих битвах, но Тор-защитник ни разу не позволил вражескому клинку коснуться его лица. А вот Мстиславу с божественным покровителем повезло меньше: когда-то давно острие то ли меча, то ли копья оставило на щеке князя след. Ровный белесый рубец прорезал смуглую кожу от левой брови до уголка рта и терялся в короткой бороде. Глаз чудом уцелел – похоже, смертоносная сталь прошла по касательной, скользнув по краю щита или шлему. Шрам ничуть не уродовал Мстислава, но суровости определенно добавлял. Князь выглядел опытным воином – но не солдафоном вроде того же Ратибора. Ему явно приходилось видеть немало битв – и не все из них он выиграл мечом. Серо-стальные глаза просвечивали меня не хуже рентгена.

Да уж, серьезный князь в Вышеграде. И не дурак, ой, не дурак... Такой уж точно не станет казнить без разбора, но и шутить с ним не стоит.

– Антором меня звать, княже. – Я склонил голову. – Я служу конунгу Рагнару Бьернсону, истинному правителю островов Эллиге.

– Непростой ты человек, Антор. – Мстислав склонил голову набок. – Имя у тебя чудное, одежда свейская – да сам ты не свей.

– Наш он, княже, – подал голос Третьяк. – Из скловен родом, недалеко отсюда родился, в...

– Цыц! – Ратибор показал купцу кулак. – Молчи, покуда князь говорит.

– Ежели из скловен – почему служишь свейскому конунгу? – Мстислав не без труда выговорил непривычное слово, но не стал заменять ни «князем», ни привычным «боярином». – Ты, я погляжу, парень крепкий, да и не из робких, раз не побоялся вперед Ратибора слово молвить. Ужель такому молодцу бы не сыскалось места в княжьей дружине?

– Давно я с земли родной ушел, княже. – отозвался я. – Много годков минуло – уже и упомню, когда то было. Едва не всю землю исходил, по морям плавал – но нигде себе покоя не сыскал, пока не встретился мне конунг Рагнар. Он дал мне новый дом и назвал ярлом, а по-вашему – боярином. С той поры служу я ему верой и правдой, как тебе Ратибор Тимофеич служит.

– Значит, ты конунгов воевода, – задумчиво проговорил князь. – Над дружиной голова. Не только в ратном деле, но и умом среди гридей первый. Вижу, силой тебя боги не обидели, да больно молод ты. Как вышло так, что у конунга не сыскалось бояр постарше?

И как хочешь, так и понимай. Вопрос не то что с подвохом – с двойным дном. А то и с тройным. Едва ли Мстислава так уж волновали тонкости нашей иерархии – скорее он хотел узнать, почему истинный правитель Эллиге пожаловал в Вышеград в такое время года всего на двух кораблях, с крохотным хирдом и склафом со странным именем в качестве «первого заместителя».

– Много ярлов служило моему отцу, князь. – Рагнар шагнул вперед. – Но даже среди стариков не найдется того, кто сможет потягаться в уме и хитрости с Антором.

– Так значит, ты и есть Рагнар Бьернсон. – Мстислав сложил руки на груди. – Конунг – князь над северянами. Выходит, мы с тобой равны.

– Это так, князь, – ответил Рагнар. – Но здесь я твой гость.

– У нас говорят – незванный гость – хуже булгарина. – Мстислав не повышал голос, но все вокруг – включая меня – тут же подобралось. – Ты пришел в Вышеград с ладьями и дружиной... Да разве я звал тебя?

Щеки Рагнара тут же вспыхнули. Не сорвался бы...

– Не сечи мы ищем, княже, – встрял я. – Не злата и не девок красных. Беда в дом конунгов пришла. Один из ярлов восстал на Серого Медведя – да убил подло, как Саврон, что ныне в Каменце сидит, Ратшу старого сгубил. А с конунгом и дружину всю его порубил. Только мы целы и остались – да бежать пришлось. И сами не рады, да нет нам больше жития на севере. Всех поубивают изменщики.

– Вот как? – усмехнулся Мстислав. – Значит, защиты да дома просить желаете?

Йотуновы кости... Ну нельзя же так с конунгом и сыном конунга! Рагнару явно пришлось изо всех сил сдерживать фамильный нрав, чтобы не взяться за меч или хотя бы не ответить князю недобрым словом.

– Негоже равному у равного просить, княже, – проворчал я. – Не простой человек к тебе пожаловал – конунг. Ведомо мне, что нет у тебя со свеями дружбы, но то Саврон зла натворил, а мы к тебе без меча пришли, да с добрым словом. Ужели в Вышеграде забыли, как гостей встречать положено?

Если кто-то из молодых дружинников или хирдманнов Рагнара и отваживался перешептываться, прячась за спинами старших товарищей, теперь замолчали даже они. На несколько мгновений вдруг стало так тихо, что я услышал, как в полусотне метров течет Вишинева. Князь грозно сдвинул брови, но я без труда выдержал его взгляд. И чувство собственной правоты помогало ничуть не меньше, чем сверхчеловеческие двадцать единичек Воли.

– Твоя правда, ярл, – наконец, произнес Мстислав. – Не враги вы в Вышеграде, а гости... Так ведь и Саврон-подлец так же к Ратше старому пришел в том году! Земли для дружины своей просил самую малость, службу верную обещал – а вон как случилось. Как вошли свеи в силу – сложил Ратша седую голову, да не в поле в бою, а в хоромы каменецких, где теперь Саврошка поганый сидит. Оттого и нет у меня веры гостям заморским!

– Разумею, княже, – вздохнул я. – Да только некуда нам путь держать боле. Не от конунга поганого бежали – от самой смерти верной. И с Савроном у нас теперь кровная вражда вышла. Те свеи, что в Каменце сидят, нам не милее вашего. Может, случится тебе да конунгу вместе против них стоять.

Мстислав явно хотел что-то сказать – но я не дал ему раскрыть рта, тут же закрепляя успех.

– Добрая у тебя у тебя дружина, княже. – Я указал на строй алых щитов за спиной Мстислава. – Крепкая да ратному делу обученная – так и у конунга не слабее будет. Разве худо сильным да могучим побрататься? А коли не веришь, так я против любого из твоих гридей биться выйду, да...

– А давай! – Мстислав вдруг широко улыбнулся и хлопнул себя по ноге. – Ратибор!

– Да, княже?

– Одолеешь боярина?

– Да можно, одолеть-то... – Ратибор смерил меня задумчивым взглядом. – Да разве дело со смертоубийства дружбу начинать?

– Видел я, какова твоя булава супротив болгар. – Мстислав пригладил бороду. – Так ведь и боярин, поди, копье не девкам хвастать носит... Вот чего скажу: без оружия биться будете. Кто кого руками заборет – того и победа. Добро?

– Добро, княже! – отозвался Ратибор.

– На том и порешим. – Мстислав повернулся ко мне. – Ежели одолеешь Ратибора – буду с боярами да дружиной за вас совет держать. А нет – не обессудь.

Глава 4

Ратибор Тимофееч

Воевода 25 уровня

Сила: 12

Телосложение: 9

Подвижность: 5

Восприятие: 2

Воля: 5

В общем, понятно. Ничего запредельного. Ратибор старше аж на целых семь уровней, но на моей стороне четырнадцать единичек Подвижности, умение ускоряться до запредельных для обычного человека скоростей и четыре осколка «Светоча».

Я не собирался играть в благородство и драться без артефактов. Доспехи и даже рубаху пришлось снять – Ратибор тоже разоблачился по пояс – но на небольшую кожаную сумку на ремне никто не обратил внимания. Хотя бы потому, что посмотреть и так было на что. Молодые дружинники, расчищавшие круг для поединка, негромко перешептывались и переводили обалдевшие и восхищенные взгляды с Ратибора на меня и обратно.

Не знаю, кто из нас двоих в их глазах выглядел эффектнее. Я с синими молниями по всему телу и отметиной Тора на груди, или покрытый шрамами седовласый богатырь Ратибор. Ростом он мне уступал, зато шириной плеч уделывал чуть ли не вдвое. Впрочем, бояться грозных габаритов я отучился уже давно. Какая разница, каков обхват бицепса, если реальные физические возможности зависят от цифр – а уж этих самых цифр у меня ощутимо поболее.

– Братец, ты поостерегись! – Злата выскочила из-за алых щитов. – Ратибор только с виду стар, да сила у него непростая. Сказывают – голыми руками медведя заборол, когда с князем на охоту ходил.

– Не бойсь! – Я потрепал сестренку по макушке. – Силен Ратибор, так ведь и я не слабее буду. Меня еще попробуй ухвати.

– А ухватит – так тут же и придавит, как муху, – насупилась Злата. – Прогонит тебя князь – сам потом виниться будешь, что сестру не слушал.

– Слушаю я, слушаю. – Я приобнял Злату за плечи. – Ведомо мне, что Ратибора побороть – дело непростое. Да боги помогут – сдую. На роду мне написано с княжьей дружиной ходить: значит, тому и быть.

– Помоги, Жива-матушка. – Злата опустила голову. – Ни разу не видела, чтобы кто из гридей Ратибора старого в бою одолел, да чует мое сердце – не ему сегодня радоваться.

Я отступил на пару шагов и несколько раз взмахнул руками, разминая плечи. По всем раскладам шансов на победу у меня больше, но это не повод недооценивать противника. Я уже наступил на эти грабли однажды – еще на Барекстаде, когда Асгейр, тэн Хавердала, чуть не навалил мне голыми руками. А все потому, что имел в арсенале то ли баф, то ли какое-то пассивное умение, на время превращавшее его кожу чуть ли не в камень. И если Ратибор проделает что-то похожее – придется непросто.

Но побеждать нужно. И не просто побеждать – а выигрывать бой непременно красиво. Честно, быстро и эффектно, чтобы никто и не подумал сомневаться в мощи Рагнарова хирда. Но настоящая битва разыграется позже, в княжьих хоробах. Когда Мстислав будет говорить со своими боярами – и уж точно многие из них и слышать не захотят про то, чтобы в Вышеграде поселилось целое воинство свеев. Воплей и ругани не оберешься. Обязательно припомнят судьбу Каменца и несчастного Ратши...

– Готов, боярин? – позвал Ратибор.

– Готов. – Я чуть склонил голову. – Начнем, пожалуй?

– Начинайте! – скомандовал Мстислав. – Да честно бейтесь, какую подлость увижу – велю виноватому батоги выдать – и чину боярского не постыжусь.

Касалось это, судя по всему, только меня – едва ли кто-то сомневался в порядочности воеводы. Ратибор пользовался у княжеской дружины запредельным уважением, по уровню авторитета уступая разве что самому Мстиславу. Когда он двинулся ко мне, чуть разведя руки, гриди одобрительно загудели.

Примерно с полминуты мы топтались друг напротив друга, привыкая к огороженному алыми и цветными щитами кругу. Места дружинники и хирдманны Рагнара нам оставили не так уж много, и все же вполне достаточно, чтобы ни одному из нас не удалось бы вот так запросто зажать противника. Ратибор пытался подобраться поближе и отсечь побольше пространства, но я всякий раз ускользал, не забывая держаться подальше от огромных ручищ.

– Что ж ты все бегаешь, боярин? – Ратибор обнажил в улыбке полный набор крепких желтоватых зубов. – Как от девки постылой...

– Не постыл ты мне, Ратибор Тимофеич, – отозвался я. – Да только ты и не девка: обнимешь – не вырвусь. Как бы жениться не пришлось.

Дружинники – не исключая самых молодых – громынули хором вместе с хирдманны Рагнара. Похоже, склафы ценили хорошую шутку ничуть не меньше северян. Обстановку я разрядил, общую тему для разговоров придумал – но от необходимости драться это меня не освобождало. Ратибор усмехнулся и попер вперед, выбрасывая сжатую в кулак руку. Представлений о боксе он, разумеется, никаких не имел – дрался размашисто, открыто – и все же я пока больше защищался. Сила и скорость хороши, но попадешь под такую кувалду – и с четвертью здоровья можно попрощаться. Я уже успел тайком начертить на ладонях все имеющиеся в арсенале руны – правда, от рисования кровью пришлось воздержаться. Во избежание лишних вопросов или обвинений в нечестном колдовстве.

И все же до конца уверенным себя не чувствовал. Ратибор не только размахивал пудовыми кулаками, но и не забывал следить и за защитой. Я не сразу нащупал слабое место в его обороне, но все же подгадал момент и ударил. Не так уж сильно – зато точно, прямо в переносицу. И воеводе отступил, роняя на траву алые капельки.

– Ай да ярл, – усмехнулся Мстислав. – Силен. Самому дядьке Ратибору кровь пустил.

Впрочем, я тоже уже успел пару раз выхватить по голове – хоть и не так показательно. Примерно пятую часть полоски воевода мне все же снес. Зато я, кажется, уже успел усвоить его стиль боя и коронные приемчики. Кулаки Ратибор использовал скорее для отвлечения, подбегая для одного-единственного прыжка. Явно собирался повалить меня на землю и задавить, как того самого многострадального медведя на охоте. Что ж, дадим шанс...

Я чуть подсел на правую ногу и повернулся, открывая ничем не защищенный бок. Будто замахиваясь – но неторопливо, медленно – и Ратибор повелся. Увидел – и тут же пригнулся, расставил ручищи и рванулся вперед, готовясь сдавить мои ребра медвежьей – точнее, анти-медвежьей – хваткой.

Ускорение!

Даже со стремительно выжирающим синюю шкалу умением я еле успел скользнуть под вытянутой лапищей Ратибора – но он задел только волосы на голове, и уже через мгновение я оказался у него за спиной. Обхватил одной рукой за пояс, другой за бедро – и изо всех сил потянул.

Воевода упирался, дергался, пытаясь разжать мои объятия, и на мгновение мне даже показалось, что у него получится вырваться... Но у простого смертного в принципе не могло набраться показателя Силы, который я имел под всеми бафами. Весил Ратибор по ощущениям где-то полтонны, и все же я оторвал от родной для нас обеих земли сначала одну его ногу, а потом и вторую. И, рванув вверх до хруста в пояснице, с размаху обрушил воеводу вниз.

Вокруг нас тут же раздались крики. Радостные – северян, и наполненные смесью восхищения и недовольства – княжеских дружинников. Ратибор с кряхтением поднимался – но исход уже и так был понятен. Поединок закончился.

– Победа твоя, ярл, – произнес Мстислав. – Значит, быть вам с конунгом гостями в хоромах вышеградских.

Вокруг нас уже началось форменное столпотворение. Северяне и местные одновременно бросились помогать Ратибору, а заодно и припоминать особенно удачные удары. А вот до меня, похоже, уже никому не было дела.

Кроме самого князя.

– А правду ли говорят, ярл, что ты Вишиневу вспять повернул? – Мстислав шагнул мне навстречу и заговорил чуть тише – так, чтобы другие не слышали. – И что ты Злате, Молчановой воспитаннице, родным братом приходишься?

– Чистая правда, княже. – Сестренка вновь появилась неведомо откуда и тут же повисла у меня на шее... будто закрывая от князя. – То матушкина кровь в нем, у нас в роду у всех сила особая. Его бы с Молчаном свести – пусть испытает, что может...

– Сведем, – хмуро пообещал Мстислав. – Ежели вече решит свеям земли дать – непременноведем, мое слово крепкое.

Князь несколько раз перевел взгляд с меня на Злату и обратно и, по-видимому, остался удовлетворен. Уж не знаю, что он пытался выведать, но не распознал бы в нас брата и сестру разве что слепой. Еще один аргумент в мою пользу.

И все же расслабиться пока не получалось – и уже точно не только из-за предстоящего вече, которое должно решить нашу с Рагнаром судьбу.

Пока я разговаривал с Мстиславом, система выдала мне сообщения, что кто-то безуспешно пытался взломать мою абсолютную ментальную защиту «Истинным зрением».

Трижды.

Глава 5

– Помнишь, как мы с тобой впервые встретились? – Рагнар тоскливо оглядел расставленные буквой «П» столы. – Теперь-то я понимаю, что ты тогда чувствовал...

Действительно – история повторялась чуть ли не точь-в-точь. Сколько же прошло времени? Месяца два?.. Может быть, даже чуть меньше – а как будто целая вечность.

Целую вечность назад я точно так же ждал решения Рагнара, сидя за столом в его походном шатре на Серых островах. Тогда рядом со мной были верный Хроки и Сакс. Где они теперь?..

Хотелось верить, что Хроки, который никогда не пятнал свою честь ложью и предательством, уже отыскал свой путь через туманную пустошь Чистилища, предстал перед Владычицей и занял свое место среди достойных в Небесных Чертогах. А Сакс? Наверное, уже отправился к предкам в обитель Старых богов – вряд ли Таранис отверг его только из-за того, что парень последовал за мной на север и погиб там, где полузабытый пантеон имперцев не имел силы.

Но даже если так – пусть Хель будет милостива и к нему. Смерть равняет всех, не делая разницы между славным конунгом и самым жалким из трэллов. И только для меня сделала исключение – иначе я не сидел бы сейчас здесь... Впрочем, как и все остальные из северян.

– Ты не казнил меня тогда – но приблизил к себе и назвал тэном. – Я легонько толкнул Рагнара локтем в бок. – И сейчас боги не оставят тебя. Князь Мстислав мудр и справедлив. Твои люди станут украшением его дружины – только глупец откажется от союза с сыном Серого Медведя.

– Не бойсь! – прогудел Ратибор, устроившийся слева от меня за столом. – От купцов да бояр шуму много, а князь завсегда перво-наперво дружину послушает. А уж мы за тебя стоять будем, боярин. Видано ли – такого молодца не принять.

Мстислав рассадил гостей с явным умыслом. Одетые едва ли не богаче самого князя торгошники и знать недоверчиво поглядывали на нас из-за столов напротив, но Третьяк, Ратибор и еще десятка полтора гридей разбавляли нашу северную компанию. В Вышеград мы пришли вместе, и если еще не успели подружиться, то хотя бы немного растопили ледяную стену, появившуюся стараниями Саурона и его «Топоров». Всю дорогу северяне и местные о чем-то говорили вполголоса, менялись оружием, крутили в руках щиты – и круглые, и алые, похожие на капли. Кто-то из хирдманнов уже успел обзавестись булавами и топорами явно склафскойковки – по всему выходило, что местные кузнецы умением ничуть не уступали тем, что остались на Эллиге. Эх, Волунда бы сюда – он бы уж точно показал, как надо...

– Говори, конунг.

Мстислав вдруг поднялся со своего места, и разговоры тут же стихли. Все – и гости, и местные – уже успели набить животы и опрокинуть по несколько рогов склафского хмельного меда (ничуть не уступавшего тому, что варила на Барекстаде Иде Хромая – если верить авторитетному мнению Ошкуя-скальда) – и теперь пришло время «официальной части».

Все-таки не дураки были наши предки, подарившие обычаи неписям «Гардарики». Сначала еда, а серьезные беседы – потом. Мало ли что взбредет в голову тому, кто уселся за стол переговоров голодным или – не дай Всеотец – трезвым как стеклышко.

– Ты мой гость, – продолжил Мстислав. – Да ведомо мне, что неспроста в Вышеград с дружиной своей пожаловал. Поведай, чего желаете – а уж вече решит, как быть.

– Мое имя – Рагнар Бьернсон. – Рагнар поднялся на ноги. – Там, откуда я родом, моего отца называли конунгом, ярлом над ярлами. По-вашему значит – князь. Матерь-Фригг не подарила ему других детей, и после смерти отца я унаследовал острова Эллиге как законный правитель.

– Законный правитель... – негромко проворчал кто-то с «купеческих» столов. – Так и сидел бы на своих камнях посреде моря – почто к нам-то пожаловал?

– Цыц! – рявкнул Мстислав. – Покуда конунг мой гость, поперек него слова держать не смей. А почто пожаловал – так он сам то поведает... Говори, конунг.

– Ты знаешь, зачем я здесь, князь. Но остальным не ведомо. – Рагнар грозно зыркнул туда, где до сих пор слышались смешки, будто выискивая среди купцов обидчика. – Дурные времена пришли на острова. Ульвар Черное Копье, один из ярлов моего отца, предал его и убил во время пира. А все прочие или примкнули к предателям, или погибли. И мне, законному наследнику конунга, пришлось бежать с островов с остатками хирда...

– Дозволь слово молвить, княже! – завопил кто-то из купцов. – Ежели у свеев на островах теперь новый князь, выходит, твой гость и не князь вовсе, а вор, голь перекатная, вроде Саврошки-подлеца!

– Нет! – Мне понадобились все двенадцать единичек Силы, чтобы удержать Рагнара. – Имей терпение!

– Прости, конунг. – Мстислав чуть склонил голову и тут же повернулся к стоявшим за его спиной дружинникам. – А Прошку – из-за стола вон. Отведите во двор, да всыпьте полста батогов – чтобы неповадно было слову моему перечить.

Приговор немедленно был приведен в исполнение. Пара здоровенных гридей вытащила из-за стола не в меру языкастого купца и поволокла к выходу. Тот не упирался и лишь негромко бурчал что-то себе под нос – спорить с князем вышло бы себе дороже.

– Боги сохранили мне лишь корабль, меч и малую часть хирда, что служил моему отцу, – продолжил Рагнар, когда шум стих. – И мне, конунгу и сыну конунга, пришлось явиться в твой дом не гостем, но просителем.

– Говори, чего желаешь, конунг, – кивнул Мстислав. – За слово спроса нет.

– Позволь мне и моим людям остаться в Вышеграде. – Рагнар указал руками на сидевших рядом с ним северян. – Нас немного, но каждый, кто рожден на островах – искусный и отважный воин. Я поклянусь быть твоим другом, а мой хирд будет сражаться вместе с твоим, если придется.

– Выходит, желаешь ты просить хлеба для своих людей, да земли Вышеградской – взамен на службу верную? То по справедливости. – Мстислав откинулся на спинку резного кресла и возвысил голос. – Да только так же Саврон в Каменец приходил. А что потом случилось – то всем ведомо. Оттого и нет в Вышеграде свеям никакой веры.

– Дело говоришь! – одобрительно загудели купцы и бояре. – Гони их, княже! Страшнее вора болгарин поганый, да свей еще хуже!

– Мне не нужны ваши земли! – Голос Рагнара прозвучал, подобно грому, без труда перекрывая галдеж за столами напротив. – Саурон-хевдинг оставил север, чтобы найти пристанище за Большим морем, но для меня нет и не будет иного дома, кроме Эллиге! И я не стану служить тебе, князь, хоть и великая честь назваться человеком достойного. Князь и конунг равны перед богами – негоже одному другому кланяться!

– Вот как? – усмехнулся Мстислав. – Чего же тогда пожелаешь, если не земель и не чину боярского?

– Позволь нам перезимовать в Вышеграде, князь. – Рагнар сложил руки на груди. – А когда придет весна, мы покинем эти земли. Я вернусь на север и мечом возьму обратно все, что отняли у меня предатели. И если кто-то из твоих людей отправится со мной на кораблях – вернется домой богатым человеком. А те, кто пожелает остаться на Эллиге, получают достаточно земли и трэллов, чтобы зваться тэнами и ярлами. Твоим купцам будет дозволено торговать на любом из островов Эллиге, и никто не посмеет тронуть их корабли в море. Мои хирдманны станут братьями твоим, и мой народ – твоему, князь. И будет так, пока стоит Вышеград, и пока не прервется мой род!

После этих слов купцы притихли – видимо, принялись подсчитывать возможную выгоду – зато зашептались дружинники. Любой поход с князем сулил знатную добычу – но отправиться на север на боевых ладьях – это еще и слава, какой не видывал Вышеград. Будет, о чем рассказать дома.

– Дозволь слово молвить, княже!

Один из бояр медленно поднялся со своего места. С явным трудом – похоже, подводи́ла из-за давнишней раны то ли спина, то ли нога – до старческой немощи он все-таки не дотягивал, хоть наверняка и перевалил за пятый десяток. Я уже давно приметил его среди остальных – и не только по стати и шитой золотом одежде, а скорее по тому, что боярин по большей части помалкивал. Даже когда остальные вопили, перекрикивая друг друга и чуть ли не кидаясь объедками. Серьезный мужик – и явно ветеран, а не торговец, хоть и одет богато и сидит среди купцов.

– Говори, Лют Вышатич. – Князь чуть склонил голову. – Сам знаешь – на вече твой голос после моего первый. Тебя и бояре, и дружина, да и простой народ всегда слушает.

– Вещает конунг, что не надо ему не земель, ни злата, – неторопливо, с расстановкой произнес Лют. – Правда то, или нет – мне не ведомо. Саврошка-подлец тоже красиво пел князю каменецкому, да как вошел в силу – не сносил старый Ратша головы буйной. То ладно! – Лют поднял руку, разом успокаивая тут же зашелестевших купцов и бояр. – Сильны свеи, да числом невелики, и дружина вышеградская получше каменецкой будет. Да ты, Мстислав Радимич, Ратши сильнее да разумом крепче, даром, что молод еще. Не страшен тебе конунг. Хоть в сече лютой, хоть один супротив одного биться. Глядишь – и то верно: уйдут по весне свеи – и поминай, как звали. А то и сдержит конунг слово, озолотит добрых молодцев, что за него стоять будут. Да только нескоро то случится... А зима уж за окном! Свеям в княжих хоромах столосье выгода прямая, то ясно вижу. – Лют вдруг повернулся к Рагнару. – А скажи, конунг – что для князя в дружбе твоей? Поди, немного ты на ладьях привез – чем дружину свою потчевать будешь? Что девкам красным дарить? Чем Вышеграду-батюшке за добро отплатишь? Говори – покамест мне то неведомо!

Глава 6

– Верно! – тут же подхватил кто-то из купцов. – Правду Лют Вышатич говорит! Отвечай, конунг – на что твои swei Вышеграду сгодятся? Почто всю зиму у князя столоваться будете?

Рагнар сдвинул брови, но промолчал. Только повернулся в мою сторону и коротко кивнул. Обращаться к Мстиславу он должен был сам, лично – а вот «окучивать» бояр и купцов предстояло уже ярлу из местных.

Что ж, мой выход.

– Дозволь слово молвить, княже. – Я чуть отодвинул лавку и поднялся на ноги. – Ведомо мне, чего боярин знать желает.

– Говори, ярл, – кивнул Мстислав. – Ты над людьми конунговыми старший, да и речь нашу разумеешь. Отвечай, чего Лют спрашивал.

– Велика дружина княжья, – заговорил я, – против конунгова хирда впятеро больше. А где пятеро прокормятся, там и еще одному завсегда хлеб найдется. Но не про то я слово молвлю.

Я сделал небольшую паузу, позволяя Люту задать закономерный вопрос – но тот промолчал, и вместе с ним промолчали и остальные. Похоже, среди знати и купцов авторитет боярина немногим уступал княжескому. Что ж отлично: уболтаю его – уболтаю и остальных.

– Власть князя не златом держится, – продолжил я, – а людьми ратными. За то и привлекает князь гридей своих, бояр да сыновей боярских, да потчует их что в лихое время, что в доброе... Так и мы к вам не побираться пришли! – Я возвысил голос. – Случись беда – встанем рядом под знамена княжеские и будем стоять за землю Вышеградскую, как за родную, а уж в ратном деле swei скловена не хуже... Но не про то я слово молвлю!

На этот раз Лют явно собирался что-то возразить – но не успел.

– Невелико богатство конунгово, не многое мы смогли забрать с островов. Но сыщется у нас злато и хлеба с медом купить, и люду рабочему заплатить по-справедливому, и девкам красным на платки да на серьги. – Я снова прервался, позволив сидевшим вперемежку хирдманнам и дружинникам вдоволь похихикать. – А все не про то я слово молвлю!

Притихли все. Я уже выложил пару весомых аргументов, каждый из которых сулил Вышеграду некоторую выгоду – но дал ясно понять, что основой еще впереди. И вновь никто не попытался меня перебить или затянуть излюбленное купеческое «гнать sweeв метлой поганой». Хорошо. Слушайте. Ближе, бандерлоги, ближе...

– Умеют люди торговые свою выгоду посчитать, да не злато единое цену имеет на земле скловенской. – Я упер руки в бока. – Не службу конунг князю предложить желает, а побратимство настоящее. А кто на беде братской наживаться посмеет? То и людям противно, и богам негодно – что вашим, что нашим, северным... Да только и не про то я слово молвлю!

Есть! Удалось. Последний мой пассаж выглядел откровенно слабенько для главного козыря – и купцы уже набрали легкие воздуха, чтобы словесно разорвать меня на части – но не тут то было! И если до этого кто-то слушал вполуха, уделяя больше внимания собственной тарелке, то теперь все взгляды устремились на меня – оставалось только прихлопнуть бояр, купцов, дружинников, князя и весь Вышеград разом предложением, от которого не отказаться.

– Дорогого стоит дружба княжья – то мне ведомо. – Я чуть склонил голову. – И брататься пристало равному с равным. Мы же покамест в Вышеград гостями пришли, да милости княжьей просить. Но сыщется у конунга для Мстислава Радимича да для Вышеграда-батюшки такой подарок, что только брату от брата принять впору.

И снова в цель. Купцы, бояре – а на сей раз и гриди гневно зашептались. Виданное ли дело – я желал обменять дружбу князя на какой-то там подарок.

– Вот оно как? – Мстислав грозно сдвинул брови. – И за что же ты дружбу мою покупать собрался, ярл? Уж не за злато ли? Или за иную подать?

– Разве мало тебе злата, князь? – Я выдержал недобрый взгляд не отводя глаз. – И мехов, и мечей добрых, поди, найдется в избытке, и другого добра. Да сам знаешь – не все добром да златом меряется... Скажи, княже, верно говорят, что ты Ратшу, князя каменецкого, едва не за отца почитал?

– Верно, – проворчал Мстислав. – К чему спрашиваешь, ярл?

– Стало быть, месть Саврону твоя – кровная... Кровь-то, вестимо, любого злата дороже. – Я возвысил голос. – А подарит тебе конунг, княже, ни много ни мало, а целый Каменец!

А вот теперь не сдержался даже невозмутимый Лют. Бояре и купцы наперебой загалдели, а дружинники и вовсе потеряли дар речи – только хлопали глазами и попеременно смотрели то на меня, то на Мстислава. Наверняка обалдел и сам князь – разве что в отличие от остальных не подал вида.

– Славной подарок припас конунг, – проговорил он, когда шум за столами чуть стих. – Да только как бы мне его взять? Говорят – в каменецких хоромах, что в детинце за стенами стоят, Саврошка поганый сидит.

Захохотали все. За исключением северян и, как ни странно, Люта. Хитрый боярин, похоже, уже смекнул, что я не бросаю слов на ветер, и ждал продолжения.

– Сидит, да не высидит. Непросто Саврошку из Каменца выгнать, да смекалка нам на что дана? Мое дело – кречету лихому крылья подрезать, а ты уж подходи да бери его хоть без рукавиц. – Я улыбнулся. – Разве не братский то подарок, княже? Что скажешь?

– Скажу, – отозвался Мстислав. – Да вперед пусть вече скажет... Что думаете, бояре да купцы? А вы, люди ратные? Милы вам конунг с ярлом? Али думать надобно?

– А чего тут думать? – Ратибор поднялся на ноги. – Я за боярина. Ежели он меня на кулаках забороть смог, то и Саврошку поганого из Каменца выгонит.

– Ишь, нашелся богатырь, – фыркнул кто-то из купцов. – Воеводу старого побил, так теперича первый молодец в Вышеграде.

– Ты, Путята, говори, да не заговаривайся! – гаркнул Ратибор. – Может, я и стар, да еще сгожусь князю послужить. А ты, если такой языкатый – так выйди сам супротив меня во двор. Там и поглядим, кто в Вышеграде молодец.

Гриди дружно заржали, и пристыженный купец тут же уткнулся в тарелку – связываться с Ратибором он, понятное дело, не собирался. Но вместо него тут же заговорил другой – постарше и, судя по всему, побогаче.

– А по мне так гнать вон их надобно! Может, и хорош боярин в ратном деле, и крови нашей, скловенской, да с лихими людьми спутался. Говорили Ратше – не жди добра от свеев, а он не послушал – и вон как вышло!

Купцы тут же хором подхватили гневные вопли. Но на этот раз оказались чуть ли не в меньшинстве. Ратибор и дружинники целиком стояли за нас, да и в рядах бояр образовался заметный раскол. Половина примкнула к купцам, но остальные, похоже, уже успели положить глаз на каменецкий престол.

– Нет среди нас единства. – Мстислав устало вздохнул и откинулся на резную спинку. – А ты что скажешь, Лют Вышатич?

Когда старый боярин вновь поднялся на ноги, все разговоры стихли. Похоже, Лют вообще говорил нечасто, но если уж и говорил, то по делу. И слушали все, от самого молодого из гридей до князя.

– Стоит на Вишиневе Вышеград-батюшка. Стоит на Вишиневе славный Каменец. – Лют на мгновение замолк, будто вспоминая что-то. – Стоит за лесами к югу Круглица, а за ней и Есеник – город небольшой, да богатый. Немало таких на земле скловенской... Нет у меня большой веры свеям, княже, да сам посуди: ежели прогонишь конунга – уйдет прочь. Другой

гридницы дружине своей искать. И сыщет, поди. А наступит весна, так и пойдет на Вышеград князь круглицкий или есеницкий. Поглядишь – а средь его гридей щиты круглые да бороды свейские. Лихая сеча будет. Перун вспоможет – одолеешь ты, княже, отстоишь Вышеград – да многие ли с поля вернутся? Будут девки да детки малые плакать, отцов хоронить. Сам видел – крепко боярин бьет, раз Ратибора-воеводу заломал. Вот что я скажу, княже. – Лют вздохнул и опустил обратно на свое место. – Примешь свеев – может и беда случиться. А не примешь – как бы не хуже вышло.

– И то верно. – Мстислав задумчиво потерял бороду. – Вот тебе мое слово, конунг: гнать вас не станем. Ежели желаете торговать – покликайте Третьяка, пусть разъяснит, что к чему. Места у меня в хоромах да в домах боярских для дружины твоей вдоволь сыщется, и потчевать вас будем, как сами едим... Но ни земли Вышеградской, ни леса, ни гридей, ни ладей вам не дам, – Мстислав подался вперед и возвысил голос, – покуда ярл свое слово не сдержит. А ежели выгонит Саврошку-гада из Каменца – тогда и поговорим.

– Благодарю, князь. – Рагнар чуть склонил голову. – Да хранят тебя боги.

– Но не обессудь – покамест за вами пригляд особый, – снова заговорил Мстислав. – Ежели кто из твоих людей девку прихватит, чего украдет или прибьет кого, даже если и холопа – повешу!

– Смотри, боярин, не прогневи князя. – Ратибор легонько толкнул меня локтем. – Я за тебя слово замолвил, теперь случись чего – с меня первого голову снимет, не пожалеет старого.

– Ежели кто из наших учудить удумает, – отозвался я. – Сам прибью гада, княжьего суда ждать не буду. А у меня рука тяжелая.

– Верно, боярин. – Ратибор закричал и потер себя по груди. – Знать ты мне бока намаял. Стыд да позор свею в драке уступить. Видать, старый совсем стал...

– Так разве ж я свей, дядька? – усмехнулся я. – Из скловен я. Неужто забыл?

– И то верно! – Ратибор радостно заулыбался. – Коли так – не стыдно, раз наша земля такого богатыря родила.

Вече завершилось – условно в нашу пользу – но разошлись мы не сразу. Купцы тут же принялись обсуждать торговые дела, Ратибор пересел к князю и что-то рассказывал, а Рагнара обступили дружинники. Мне досталось не меньше внимания, но я поспешил избавиться от словоохотливых гридей и вышел за дверь. Не то чтобы они мне так уж сильно надоели – но меня будто бы влекла во двор неведомая сила.

Словно кто-то тихонько нашептывал – выходи. Сюда, наружу, в холод и темноту подступающей ночи, которые еле разгоняли горящие вокруг княжеских хором факела.

– Братик! – Завернутая в пуховый платок Злата бросилась мне на шею. – Слыхала я уже все – не выгнал вас князь! А и выгнал бы – пусть! Ушел бы твой конунг, да тебя бы я не пустила. Костями бы легла, да...

– Значит, вот он каков – твой брат? – раздался за спиной негромкий скрипучий голос.

– Дед... дед Молчан... – пробормотала Злата, разглядывая выступившую из темноты высокую фигуру. – Ты откуда взялся? Вот только ж...

– Ступай, малая. – Тот, кого называли Молчаном, вытянул скрюченный, похожий на коготь гигантской птицы палец и указал на ворота. – Надобно будет – позову тебя... А ты, боярин, обожди.

Глава 7

– Ты волхв? – спросил я, когда Злата удалилась. – Зачем?..

– Не спеши, боярин. – Молчан развернулся на месте, взмахнув полами то ли мантии, то ли рясы, будто черными крыльями. – Идем. Да не болтай – дело у нас особое, оно тишину любит.

– Что за дело у тебя? – Я зашагал следом. – И зачем?..

Молчан сердито фыркнул, и я счел за благо заткнуться. Уж не знаю, откуда выскочил этот суровый дед, но на пиру у князя Мстислава его определенно не было. Да и до этого...

Так. Стоп! А не он ли пытался «зондировать» меня после поединка с Ратибором? По всему выходит, что больше некому. Вряд ли он смог каким-нибудь образом пробить мою идеальную ментальную защиту... А если смог – что увидел? И что ему от меня нужно?

Но вопросы лучше задавать потом. Зачем сердить старикана, который может не только помочь нам устроиться в Вышеграде, но и научить меня еще парочке умений из арсенала Видящего? Я уже понемногу приближался к двадцатому уровню – довольно серьезно с учетом непростого и растянутого во времени кача – но до сих пор так и не овладел ни одним по-настоящему серьезным колдовским скиллом... Нет, было исключение: фокус, который я провернул, пустив по Вишиневе что-то вроде цунами, определенно тянул на полноценную магию. Вот только повторить его я вряд ли бы смог – так, разовое прозрение, вспышка, озарение – и все.

А неплохо бы напроситься в ученики к этому самому Молчану. Судя по тому, что рассказывала о нем Злата – дед реально крут. Да я и сам ощущал буквально исходящие от него волны. Такие мощные, что я побоялся переключаться на «Истинное зрение».

Все равно без толку – или зарезистит, или подсунет мне чахлую «маску» вроде той, что использовал Гримнир-Романов. А то и рассердится – и тогда ни обучения, ни ответов на какие-нибудь важные вопросы мне не видать.

Так что я послушно топал за Молчаном, закрыв рот на замок.

– Проходи, боярин, – произнес он, толкая узкую деревянную дверь.

Жилище княжеского волхва оказалось совсем небольшим: на ум тут же пришло слово «келья». Такая же спартанская обстановка, как в древесном домике Хильды. И примерно такое же количество всяких странных – если не сказать страшных – штук, развешанных по стенам. Правда, здесь преобладали кости, крохотные птичьи черепушки и резные фигурки, а не травы. Молчан то ли не слишком-то жаловал зельеварение, то ли попросту в нем не нуждался, предпочитая оперировать чистой энергией.

Надеюсь, это мне еще предстоит узнать, а пока...

– Подь сюда.

Молчан поманил меня рукой, снял со стены небольшую миску из серебристого металла и тут же ловко соорудил на столе из свечи и пары то ли камней, то ли потемневших от времени кусков дерева крохотную жаровню.

– Что это? – полушепотом поинтересовался я. – Какой-то обряд?..

– Цыц! – Молчан сердито сверкнул глазищами. – Обожди. Потом говорить будем, как ворожбу закончу.

Как скажешь, почтенный...

Ничего запредельного в действиях Молчана не наблюдалось, поэтому я принялся рассматривать его самого. Света пары свечей вполне хватало, чтобы понять: волхв стар. Немыслимо стар – даже Хильда годилась бы ему в дочери. Впрочем, на стати Молчана возраст сказался не так уж сильно. Года высушили некогда крепкое тело чуть ли до скелета, но так и не смогли согнуть спину – даже теперь волхв держался прямо и ничуть не уступал мне ни ростом, ни осанкой. Его лицо напоминало печеное яблоко – такое же морщинистое и темное

от загара. Молодыми остались только глаза, поблескивающие в полумраке кельи зеленоватыми огоньками.

Чем-то он напоминал одновременно и Рунольва, и Гримнира – и при этом не был похож ни на одного из них. Первого годы превратили в подслеповатого, неопрятного и скрюченного старикашку, а второй – напротив, уж слишком смахивал на волшебника из сказок. Молчан тоже носил бороду и даже в свои годы не растерял длинные седые волосы, но до роскошества шевелюры переехавшего в вирт Романова ему было далеко. Тот выглядел буквально сошедшим со страниц «Властелина Колец», а Молчан – настоящим.

При взгляде на него вполне верилось, что старик действительно родился и прожил свою немыслимо долгую жизнь здесь, вдоль и поперек исходив леса и поля земель склафов в поисках тайных знаний. Что он мерз от холода и жарился на горячем летнем солнце, год за годом сушившем его кожу. Нет, его волосы выбелили годы, а не мастерство дизайнеров – а мощь и мудрость нарастали по капле, крохотными крупичками. Может, поэтому Молчан и научился никуда не спешить и беречь силы, не тратя их на пустые разговоры.

И не случайно его так прозвали. Интересно, что это вообще – имя или?..

– Дай руку, боярин. – Молчан бесцеремонно схватил меня за запястье. – Терпи!

Ойкнул я скорее от неожиданности – болевые фильтры отработали как положено, да и Молчан проделал все настолько быстро, что я еле успел увидеть мелькнувшую в его пальцах длинную костяную иглу.

Красные капли падали в раскаленную на жаровне миску и тут же начинали шипеть и пузыриться. Но стоило Молчану прошептать всего несколько слов – бурление тут же прекратилось. Кровь собралась в одну большую кляксу и лишь легонько перекачивалась по слегка подрагивающему металлу, будто превратилась во что-то вроде расплавленного пластилина... или свинца. Молчан довольно крикнул, достал из-за пазухи крохотный пузырек и вытряхнул в миску его содержимое.

Я ожидал вспышки пламени, хлопка – хоть какого-нибудь спецэффекта – но произошло ровным счетом ничего. Только алая клякса на дне увеличилась раза в полтора. Но Молчан ничуть не выглядел разочарованным – скорее наоборот.

– Добро, – кивнул он. – Теперь говори, боярин.

– Что это? – Я указал на разложенные на столе предметы. – Что ты сделал?

– А что видишь? – Молчан усмехнулся и ловко подхватил все еще горячую миску с жаровни полой рясой. – Что разумеешь?

– Кровь, – буркнул я. – И все.

– Верно. – Молчан повернулся обратно ко мне. – Единая – твоя да сестры твоей, Златы. Приняла родная кровь родную, смешалась. А коли не брат бы ты ей был – вся бы расплескалась да разошлась. То ворожба верная. Даже Вия обмануть можно – а кровь ничем не обманешь.

– И зачем ворожба твоя нужна?

– А чтобы знать, что ты тот, кем себя называешь, – Молчан погрозил мне пальцем, – а не чудище несмертельное. Много ли ума надо девку провести? А меня не проведешь.

Чудище несмертельное? Это ведь...

– Не пугайся, боярин. – Молчан изобразил что-то похожее на улыбку. – Вижу я теперь, что ты Злате брат единокровный. В вас обоих дар особый – да только ты старший – посильнее будешь. Слыхивал я, как ты Вишинеvu вспять повернул.

– Сам не ведаю, как вышло, – признался я.

– Испужался Саврошки-подлеца – вот и проснулась сила. – Молчан пожал плечами. – Коли сможешь мою науку знать – и не такое сдюжишь. Да только непростое то дело – ума да покоя требует. Потому и не стал Злату крепко учить. Справная она да неглупая – а все одно девка.

Мужской шовинизм во всей красе. Какие-нибудь феминистки за такое сожрали бы бедного старика прямо в келье. Но у меня уж точно есть проблемы посущественнее, чем дискриминация по половому признаку. К примеру – целая куча вопросов. Про бессмертных чудовищ, про самого Молчана, про Злату, про князя... Но задал я, наверное, самый дурацкий из всех.

– Ты желаешь меня учить?

– Не я. – Молчан покачал головой. – Видать, на роду так написано – тебе у меня учиться. Значится, тому и быть.

Вот так, просто? Без каких-то там вступительных экзаменов, проверок или нудного собеседования часа на полтора? Нет, конечно, я и сам хотел...

– Ты меня не знаешь! – Я тряхнул головой. – А что князь? Он ведь...

– Служу я князю. – Молчан поднял узловатый палец вверх. – Служу – да не он надо мной владыка.

– А кто тогда?

– А то тебе, боярин, покамест знать не положено, – вздохнул Молчан. – Все одно – не уразумеешь. Ежели сможешь учиться – ко времени все узнаешь. Нет – так не обессудь, то тебе без толку, выходит.

Вот так дед. Мог бы – хотя бы ради приличия – поинтересоваться, нужно ли мне вот это все... Да и ладно! Конечно, нужно!

– Дорогого такая наука стоит. – Я сложил руки на груди. – А чего взамен попросишь?

– Дорогого стоит... – эхом повторил Молчан. – На то своя цена – да не мне ты ее заплатишь, боярин. Моя выгода другая.

– Какая?

– Сколько мне годков? – Лицо Молчана прорезала хитрющая улыбка. – Угадаешь?

– Сто! – буркнул я и, подумав, поправился. – Сто, и еще двадцать...

– Два раза по сто – да еще полста. – Молчан прошагал к двери. – Сила во мне великая, такую человеку и вовсе носить не положено. И пока не передам кому – не помереть мне смертью никак, не упокоиться.

Вот так подарочек... Что-то часто мне в последнее время предлагают эту самую вечную жизнь...

Впрочем, как раз Молчан таки бессмертие благом, похоже, не считал – поэтому и спешил поскорее спихнуть на мои сравнительно молодые и крепкие плечи...

– Ступай, боярин. – Волхв распахнул передо мной дверь. – А завтра приходи, как солнце встанет. Не промедли – да один явись! Об чем говорить будем – то для чужих ушей худо.

Глава 8

Я открыл глаза и, проморгавшись, вытянул из головы штекер. Очередные йотун знает сколько часов в вирте. Весьма успешные... и богатые на события. Я вновь прокрутил голове весь прошедший день, раскладывая воспоминания по полочкам.

Так... Оживший – а теперь еще и бессмертный – Романов мне, похоже, все-таки не приснился. Все в очередной раз перевернулось с ног на голову. И на кону уже не бешеные деньги и жизни неписей «Гардарики», а судьба реального мира.

– Антон, ну как там? – негромко поинтересовалась Катя.

Она сидела в кресле, держа в руках небольшую книжку. Что-то в мягкой цветастой обложке. Наверняка любовный роман, позаимствованный в холле на первом этаже – а скорее просто забытый прямо здесь, в номере, кем-то из предыдущих постояльцев. Вот уж не думал, что она такое читает...

– Да как там... как обычно. – Я указал на лежавший на второй половинке кровати Катин ноут с переходником. – А ты сама – не?..

– Честно – не могу. – Катя нервно усмехнулась и отложила книгу. – После такого – просто не могу. Колбасит.

Выглядела он и правда неважно. Измученная, всклокоченная, синяки под глазами... Так и просидела целый день, пялясь то в книжку, то в едва слышно бормочущую панель телевизора? А я тоже хорош! Воткнул в голову провод и слинял вершить судьбы мира.

Надо что-то делать. Сходить к Вячеславу за обещанным шампанским? Хотя тут скорее водка нужна. И две рюмки – не чокаясь.

Или просто взять и рассказать ей все?! Что оплакивать, по сути, некого: хитрый старикан разыграл драму и под шумок удрал в виртуальное пространство. Вполне возможно, загляни Катя в игру – он показался бы и ей... Или нет? Романов не оставил на этот счет никаких инструкций – да и вообще не в его стиле запрещать или, наоборот – что-то настойчиво рекомендовать. Кажется, будущий правитель Всея «Гардарики» должен обладать свободой воли – и это обязательное условие. Я могу выдать Кате тайну Романова – а могу и не выдавать.

Выбор за мной. На одной чаше весов – нервы и душевный покой отдельно взятой девушки-доктора. Милой, хорошенькой и уже почти родной. И пусть изначально мы были друг от друга не в восторге, сейчас норны сплели нити наших судеб крепко-накрепко. И я бы сделал все, чтобы ее утешить... почти все.

Ведь будущему повелителю виртуальности, помимо всего прочего, придется научиться еще и быть беспощадным. Ведь на другой чаше весов расположился реальный мир. Со всеми его недостатками – со всей грязью, серостью и унылым однообразием – но все же привычный. Настоящий. И сейчас его может угробить даже не малейшая ошибка, а одно не вовремя сказанное слово.

Да и под силу ли Кате сейчас такая ноша? Каково это – знать, что в твоих руках ключ к вечной жизни, который можно не только использовать самому, но и дать кому-то еще? Близким... какой-нибудь любимой бабушке. Мне-то проще. В конце концов – кто я такой? Безработный писатель, затворник. Друзей почти нет, жена ушла. Родители – и те давным-давно свели общение со мной до минимума из-за моего феноменального умения делать все совсем не так, как им бы хотелось. Легко гнуть свою линию, когда у тебя нет никого и ничего, кроме ослиного упрямства и богатого воображения, уже нарисовавшего картины ближайшего будущего. Того, которое непременно наступит, если я проиграю, а бессмертие уйдет «в массы».

А Катя врач. Для нее смерть – не просто слово. Не некий абстрактный финал, который ждет всех, но происходит всегда только с кем-то другим – а вполне осязаемая реальность. А ведь ей придется взять этот самый ключик к вечной жизни без боли и страха – и сломать попо-

лам. Вот этими самыми тонкими хрупкими пальчиками, которыми Катя столько раз боролась со смертью.

Выдержит? Наверное – выдержит, она сильная... Но ради чего? Чтобы потом всю жизнь хранить тайну? Чтобы стареть? Чтобы каждый день наблюдать то, что могла бы предотвратить – но не стала, сделав выбор в пользу некоего абстрактного «общего блага»? Смотреть в глаза матерям умирающих детей и говорить, что медицина бессильна, зная, что своими руками уничтожила то, что могло подарить новую жизнь?

Нет, ни за что! Я буду молчать. И Романов – тоже будет, если он не последняя сволочь... В противном случае мы рискуем превратить Катю из союзника во врага страшнее Павла Викторовича.

Йотуновы кости, ну за что мне это все?!

– Кать... – Я поднялся с кровати и, не надевая кроссовок, подошел к ней. – Все будет нормально. Обещаю.

Она не ответила – только обхватила меня обеими руками и уткнулась головой в живот. Не плакала. Просто сидела молча минуту или две. А я... Я, разумеется, чувствовал себя скотиной.

– Да все нормально. – Катя выдавила из себя улыбку и откинулась на спинку кресла. – Извини, что-то я совсем расклеилась. Давай лучше... Антон, смотри!

Я едва подпрыгнул на месте, одновременно разворачиваясь – но никаких мордovorотов, ломившихся в наш гостиничный номер в абсолютной тишине, не увидел.

И на что тогда Катя смотрит, раскрыв рот?

– Антон, телевизор...

Она подняла руку, указывая на мелькавший на стене экран, изображение на котором как раз сменилось.

Офис «R-Corp», в котором мне не так давно случилось навестить Павла Викторовича.

И чуть ниже на белом фоне:

УМЕР АЛЕКСАНДР РОМАНОВ.

– Сделай погромче! – попросил я – но Катя уже и так тянулась к пульта.

– ...Александра Романова считают «отцом современной виртуальности». Вполне обоснованно, – сообщил женский голос за кадром. – Именно его разработки конца девяностых годов легли в основу как отечественных, так и зарубежных устройств подключения к системам имитации реальности. Гений игровых технологий – так называли его современники. – На экране появилась фотография Романова. Та самая, из Википедии – видимо, ничего посвежее так и не нашлось. – В последние годы создатель первого в мире нейрошунта и икона разработчиков игр с полным погружением почти не появлялся на публике. Как оказалось – из-за болезни. Коллеги и близкие Романова сообщают, что он продолжал работать и отказывался от обезболивающих препаратов. Чтобы сознание оставалось ясным – так говорил сам гений, остававшийся в строю до самого последнего дня. Печальное для всей мировой общественности событие комментирует председатель совета директоров компании «R-corp» Павел Сивак.

Экран мигнул, и в кадре появился Павел Викторович. Такой же, как и всегда: облаченный в дорожный костюм, аккуратный и немыслимо авторитетный. Вряд ли кто-нибудь из зрителей вечернего выпуска новостей смог хотя бы представить себе, что этот серьезный бизнесмен способен отправить в погоню за парализованным стариком целую армию мордovorотов-охранников и собственноручно ломать дверь в квартиру.

– Очень тяжелая утрата. – Павел Викторович вздохнул. – Можно сказать – невосполнимая. Разработчиков уровня Романова в мире больше нет и, боюсь, в ближайшее время не будет. Все, чего мы добились за последние двадцать лет – его и только его наследие... Грустно. Безумно печально... Но его дело живет! – Павел Викторович улыбнулся и заговорил чуть громче. – Технологии, созданные Александром... дядей Сашей – работают! Его миры уже стали культовыми для игроков всего мира... В каком-то смысле это можно назвать бес-

смертием. Я верю, что Алекс Романов не умер, а навсегда остался там, в виртуале. Почетная участь. – Павел Викторович вдруг поднял глаза и посмотрел с экрана прямо на меня. – Участь, которой удостоится не каждый.

Глава 9

– Нечасто мне случалось ездить верхом. – Рагнар потрепал между ушей здоровенного гнедого жеребца. – Кажется, придется привыкать...

– Да хранит тебя Тор-защитник, конунг, – отозвался я. – Князь оказал тебе великую честь. Хотел бы и я отправиться с тобой.

– И я, друг мой. Без твоего копья и совета я чувствую себя безоружным.

Рагнар чуть натянул поводья, успокаивая коня, который нетерпеливо бил копытом. Словно не понимая, почему остальные спутники князя уже выехали за ворота, а его всадник зачем-то медлит.

Да уж... Много дней мы были неразлучны – и вот пришло время расстаться. Князь Мстислав отправлялся собирать дань с ближайших поселений и пожелал взять Рагнара, Эйнара Безбородого и еще нескольких хирдманнов с собой. Явно не обошлось без совета старого хитреца Люта: видимо, боярин посчитал, что гостей следует разделить.

Северян растащили по боярским дружинам, сам конунг уходил «в поле» с князем, Вигдис еще затемно удрала охотиться (разумеется, под присмотром Хиса), Айну не отпускал от себя Ратибор, а Ошкуй с Йордом... Ошкуй с Йордом шлялись непонятно где – впрочем, как и всегда. Буквально за сутки гигант-рисе превратился из «чудища лесного» во всеобщего любимца. Вряд ли в Вышеграде отыскался бы кто-то, кто еще не успел угостить его чем-нибудь.

А самого меня ждало обучение у Молчана. Всего пара-тройка дней до того, как вернется князь, и нам с Рагнаром придется держать данное слово и каким-то пока еще непостижимым образом выгонять из Каменца Саурана и «Боевых топоров». Ускоренный курс Видящего.

– С тобой Безбородый и Вермунд. – Я посмотрел вслед всадникам. – Едва ли вам придется скучать. А мой удел – травы, склянки и птичьи кости.

– У каждого своя судьба. – Рагнар покачал головой. – Боги дали тебе великий дар. Такое искусство поможет нам ничуть не меньше твоего копья, ярл.

– Послушай конунга, братик! – Злата выпорхнула из-за моей спины. – Сам знаешь: гридей да бояр много, а Молчан у князя один. За то и бережет старого Мстислав Радимич, да всегда слушает.

– Разве сестра пожелает тебе дурного, ярл? – Рагнар рассмеялся и полез за пазуху. – Хорошо, что ты здесь, Злата. У меня для тебя подарок.

– Конунг...

Сестренка вспыхнула – даже уши покраснели. На мгновение мне показалось, что она сейчас просто удерет... но не удрала. Поклонилась чуть ли не в пояс, приняла из рук Рагнара сложенный вчетверо платок и тут же расправила. То ли так вышло случайно, то ли с умыслом – подарок напоминал цвета Фолькьерка. Черный и красный – но с золотым шитьем. Роскошная штука – и где только Рагнар успел раздобыть?

– Ох, Жива-матушка, красота-то какая... – прошептала Злата, накидывая платок на плечи. – Куда мне носить? То боярыне дарить пристало, а я из простых девка...

– Ты – сестра ярла. И там, откуда я родом, почитают женщин, сведущих в колдовстве. – Рагнар улыбнулся. – Мне пора ехать... И пригляди за братом. Приключения находят его всякий раз, когда я отворачиваюсь.

– Постой, конунг! – Злата ухватила Рагнара за стремя. – Не серчай... и я тебе гостинец приготовила. Лушка, Ратиборова дочка, пирогов напекла – так я выпросила. Сама бы могла, да лучше, чем у Лушки, в Вышеграде не сыщешь...

– Благодарю тебя. И да хранят боги вас обоих!

Рагнар ловко подхватил угощение, прищипорил коня – и тот радостно сорвался в галоп, догоняя ушедшую уже далеко за ворота крепости-детинца дружину. Я помахал рукой, а второй

приобнял за плечи Злату. Она изо всех сил старалась не подавать виду, но не смогла скрыть выступившие на глазах слезы. И чего это вдруг?..

– Не печалься, малая. – Я пригладил ее по заплетенным в косы волосам. – Вернутся конунг с князем. Недалече им путь держать.

– Знаю, да все одно на сердце беспокойно, – вздохнула Злата, выворачиваясь из под моей руки. – А ты ступай, братик, не гневи Молчана. Он ждать не любит.

Обернувшись, я увидел длинную фигуру в темной рясе и с посохом, подпиравшую стену княжеского жилища. Молчан не вышел проводить в поход самого Мстислава – зато не поленился спуститься из своей кельи сейчас. Видимо, чтобы по полной выдать мне за опоздание: первые лучи солнца уже вовсю плясали на дереве крыш. Я поцеловал Злату в макушку и направился получать по заслугам.

Но Молчан то ли проснулся в хорошем настроении, то ли посчитал проводы князя достаточно уважительной причиной для задержки. А может, просто не пожелал тратить слова на ругань. Вместо этого он лишь коротко кивнул и махнул рукой, приглашая следовать за собой. Я ожидал, что волхв вновь потащит меня в свою келью, но Молчан направился к воротам – туда, куда только что уехал Рагнар.

Завидев нас, оставленные князем в дозоре гриди расступились и почтительно склонили головы... И едва ли передо мной. После победы над Ратибором мой авторитет среди местных вояк существенно подрос, но до Молчана я, конечно же, еще не дотягивал. Его здесь явно уважали и, похоже, чуточку побаивались. Все, кого мы встретили по пути, стигались чуть ли не вдвое – но я заметил немало и тех, кто предпочитал обойти нас загодя.

Мужчины что-то бормотали в бороды, женщины отводили глаза, а дети и вовсе без всякого стеснения прятались или за заборы, или за материнские юбки – и уже оттуда указывали пальцами и перешептывались.

Впрочем, неудивительно. Выглядел Молчан недобро. Загоревший дочерна, морщинистый, высоченный и худой, как скелет, старик, облаченный в темное, внушал оторопь даже мне. От него буквально исходили волны накопленной за немислимо долгую жизнь колдовской мощи. Наверняка его аура полыхала синим – и даже те, кто не умел смотреть в мир духов «Истинным зрением», не могли ее не чувствовать. Я раз за разом одергивал себя и продолжал пилиться обычным, человеческим. Спросить у него, что ли?..

– Молчан, – позвал я. – А...

– Обожди, боярин. – Волхв погрозил мне пальцем. – Не время разговоры разговаривать.

Ладно, не время – так не время. Но куда мы вообще идем? Я предполагал, что Молчан использует для обучения или собственную келью, или какое-нибудь другое помещение в детинце – на тот случай, если понадобится побольше места... но он уводил меня все дальше и дальше.

И как уводил! Стоило нам чуть удалиться от крепостных стен, у него будто открылось второе дыхание. Без всякого магического ускорения Молчан чесал так, что мне приходилось напрячься, чтобы угнаться за ним. Конечно, я до сих пор был в кольчуге – но четырнадцать единиц Подвижности! Сколько же у него?! И это в двести пятьдесят с лишним лет!

– Притомился, боярин? – поинтересовался Молчан, не сбавляя хода.

И даже не запыхался, зараза – шел себе и шел!

– Сдюжу, – буркнул я. – Сиднем сидеть не приучен.

– Добро. – Молчан удовлетворенно кивнул. – Мою науку познать – надобно не духом единым, а и телом крепким быть. Ведовство настоящее не в избе да не в хоромашах княжьих, а в земле. Оно тишину любит. А где поле, лес да речка – там и слово сильнее получается.

Кажется, теперь понятно, куда он меня тащит. Куда глаза глядят – главное, подальше от людей. Через несколько минут мы вышли к Вишине, но по укатанной колесами телег дороге Молчан не пошел.

– На большак не ходи, – пояснил он. – Там люд и торговый, и рабочий, и ратный бывает. Разве только где две дороги крест-накрест ворожить можно – но то дело особое. Идем!

Молчан свернул налево, и мы двинулись по узенькой тропе вдоль реки. Здесь траву, похоже, не косили, и она то и дело норовила зацепиться за сапоги. Зеленая полоска понемногу проседала в ноль, хоть мы и не бежали, но я продолжал упрямо топтать за неутомимым стариканом.

В следующий раз пойду без кольчуги!

– Много исходить надобно, боярин. Ведовство – дело небыстрое, – снова заговорил Молчан. – Пока три пары сапог не сносишь, да три посоха не изломаешь – разве научишься чему?

Три пары?! Начнем с того, что сапоги у меня вообще одни. Зато какие – на то, чтобы их сносить, уйдет йотун знает сколько дней... уж точно побольше, чем две-три недели, отпущенные Романовым до Рагнарека. Да уж, такими темпами полноценным колдуном я стану нескоро...

Я оглянулся, выискивая глазами Вышеград – но не смог разглядеть даже верхушки княжеских хором – исчезли, затерявшись среди деревьев и травы.

Ты куда завел меня, Сусанин?

– Никак дошли.

Молчан остановился так резко, что я едва на него не налетел. Огляделся по сторонам, несколько раз втянул ноздрями воздух, будто принюхиваясь – и направился к крохотной полянке у речки.

– Доброе место. – Молчан ткнул кончиком посоха в землю. – Тут и начнем.

– Что начнем? – поинтересовался я.

– Немало я о тебе слыхивал. – Молчан смерил меня взглядом. – Да сам не видел. Покажи, чего умеешь, боярин.

Глава 10

– Да как я покажу? – растерялся я. – Чего тебе надобно?

– Слыхивал я от Златы, что ты ведовству обучен.

Мне показалось, что Молчан снова попытался прощупать меня чем-то вроде «Истинного зрения» – но настолько аккуратно, что ментальная защита не отработала, и никакого системного сообщения я не получил.

– Говорила – умеешь глаза отвести, – продолжил Молчан. – Покажешь?

– Покажу. – Я огляделся по сторонам. – Так кому... отводить-то?

– А мне и отводи, боярин. – Молчан усмехнулся и расставил ноги пошире. – Ежели сдюжишь.

Ну... сам напросился. Я прикрыл глаза и скастовал на Молчана «Обман разума», по привычке отправляя его куда-нибудь. В данном случае – купаться в речку.

Пробил?

Нет, не похоже. Старец лишь на мгновение покачнулся в сторону берега – и тут же снова посмотрел на меня.

– Силен, боярин, – кивнул он. – Меня так запросто не возьмешь – да с другими сладишь. Поди, сам князь не устоял бы, пошел в речку штаны мочить. Немалое то умение – да скажи, мож еще чему обучен?

– Я... я умею видеть скрытое, – начал перечислять я. – Смотреть в... другой мир. И ходить туда. Там все иначе видится. Посмотришь на человека... иначе – и все про него прознаешь, ежели он закрыться не уразумеет... Еще заговоры да руны северные ведаю – то знаки особые...

Для перечисления своего нехитрого арсенала мне явно не хватало словарного запаса местной речи – но Молчан не обращал внимания на корявые фразы. То ли списывал все на долгие годы, прожитые среди северян, то ли факта родства со Златой оказалось достаточно, чтобы он перестал сомневаться в моей благонадежности.

– Тьфу! – Молчан сплюнул на землю. – Про знаки срамные мне не говори даже! Есть в них сила особая – да не нашенская она, не скловенская. А заговор – хоть на воду, хоть на рожь да пшеницу, хоть на меч каленый – то баловство, а не ведовство настоящее. Любая баба сдюжит, ежели хоть разок на нее Макошь дыхнула... – Разошедшийся Молчан на мгновение затих, словно успокаивая себя, и только потом заговорил снова. – А скрозь смотреть – то дело! Гляди, боярин – что про меня скажешь?

Даже так? Ладно, посмотрим. Я переключился на «Истинное зрение».

Молчан

Ведун 47 уровня

Сила: 3

Телосложение: 6

Подвижность: 8

Восприятие: 3

Воля: 13

Какой-какой уровень?! Сорок седьмой?!

Молчан оказался круче самого топового топа любого из ныне существующих кланов. Тринадцать единичек Воли! Давно пройденный этап для меня – но поистине запредельное значение для обычного человека... Впрочем, обычные люди столько и не живут. Двести пятьдесят лет! Вполне достаточно, чтобы прокачаться до предела и загнать нужные умения под потолок или даже чуть выше.

Йотуновы кости... Да вот же он – учитель моей мечты! Тот самый Мастер Йода, который сделает из меня настоящего Видящего... Если меня в очередной раз не утащат неизвестно куда сражаться за конунга.

– Стар ты, Молчан. – Я переключился обратно на обычное зрение. – Стар, да телом крепок. Нет в тебе уже силы прежней меч держать, да только хворь тебя не берет никакая, и по лесам да полям ходить тебе в радость, устали не знаешь. Затуманились очи с годами... да только видишь, поди, не хуже молодого. Ведун ты, дед Молчан.

– Верно говоришь, боярин. – Молчан удовлетворенно кивнул. – Все как есть. А знаешь ли, какая меж волхвом и ведуном разница?

– Нет. – Я помотал головой. – Скажи.

– Волхвы богам служат. И сила их – от богов, – отозвался Молчан. – Да не только волхвам боги дар особый дают. Перун – то княжьей дружины покровитель, из Сварожичей первый. То бог князей да бояр высоких. Волх да Индра – те простых гридей в бою берегут. Велес – хранитель скота да богатства всякого, ему среди купцов особый почет. А Сварог над всеми богами-защитниками старший, Перуну отец родной.

– Ты служишь Сварогу? – спросил я. – Он...

– Сварог – из богов сильнейший. – Молчан поднял палец вверх. – Да только и над ним старший есть, Род имя ему. В него Вышень воплотился, да всему начало дал.

– Вышень?..

– То Всевышний, извечный. – Молчан заговорил чуть тише. – Нет ему имени, нет начала и конца нет. От него моя сила, и оттого ни князь мне не указ, ни Перун, ни сам Сварог.

Безымянный Всевышний... То же самое Извечное, о котором говорил Рунольв?

– Ведун... – пробормотал я. – Ведун – значит – Видящий?

– Так, боярин, – кивнул Молчан. – Не нашенское слово, да верное. Ведун – человек особый. Силы необычайной, за то и не жалуют нас ни волхвы, ни люд простой. Виданное ли дело – Перуна да Велеса первыми не почитать. Да только не они все сущее сотворили да натрое поделили.

– Натрое?

– Три мира есть, боярин. Явь, Правь и Навь. – Молчан загнул три пальца. – Явь – то мир простой, что каждый видит. Правь и Навь от очей сокрыты – да только ты туда и глядеть умеешь, и ходить – ежели не шутишь. Покажи!

Вот так экзамен. Ла-а-адно, дед, будет тебе наглядная демонстрация.

Я переключился на «Истинное зрение» и ускорился, шагая на границу мира духов. Сейчас пробегусь и выскочу прямо у Молчана за спиной. Спецэффект!

Р-р-раз!

Мои лопатки уткнулись во что-то мягкое, а перед глазами вдруг появилось небо. Не серая дымка – а волне себе обыкновенные тучки. Боли я почти не почувствовал, да и урона вошло на три копейки: пострадала только гордость. Я разогнал свою скорость перемещения аж на целых триста процентов – но Молчан каким-то образом успел зацепить меня кончиком посоха, выдернуть из мира духов и швырнуть на землю.

Без особого, надо заметить, усилия. Обидно-то как!

– Тьфу, срамota. – Молчан поморщился и снова уперся посохом в землю. – Так в Навь ходить – это как враспырку по ручью идти. Одна нога на том берегу, другая – на этом, и ковыляешь. Смех один! Кто тебя так научил?

– Колдунья... ведьма, – прокряхтел я, поднимаясь на ноги. – Я тогда жил на островах среди свеев.

– Вестимо, – усмехнулся Молчан. – Ведьмин дар – в травах да кореньях. Их сила от Живы да от Матери Сыры-Земли. Есть и те, что особенно Мокошь почитают... Да только все не то. Ведьме ни в Навь, ни в Правь прямой дороги нету. А ведун...

– Дед Молчан! Дед Молчан!

Злата! Вот заноза... И откуда только взялась?

– Дед Молчан!

Сестренка выдернула из прибрежной топи завязшую ногу. Похоже, торопилась – бежала не по тропе, а срезала через заросли. Что ж у нее такое стряслось?

– Дед Молчан! – Злата явно запыхалась и выдыхала слова с паузами. – Там... У Лушки... Корову задрали!

– Где задрали? – Молчан сдвинул брови. – Погодь, не суетись...

– На берегу! – Сестренка схватила ведуна за рукав. – Прямо у моста. Как есть задрали, аж до костей самых... околелая лежит...

– Тьфу, пропасть! – Молчан сплюнул на землю. – И чего меня кличешь без дела? А ну как дам палкой... То волк или медведь, поди, корову задрал – скажи кметям – пушай подстрелят али с собаками подымут...

– Так звала уже, дед Молчан! Никифор Хромой следы смотрел – говорит – то не волк и не медведь, – Злата понизила голос, – а Дед Водяной корову сгубил. Велел тебя отыскать.

– Так тебя разэтак, да с Никифором вместе, – проворчал Молчан, подхватывая посох. – Ладно! Коли так – веди. Показывай, где вы там Деда Водяного углядели.

Глава 11

– Худое дело, боярин... – Молчан вытер пальцы о рясу. – Верно, не волчьи то следы.

– Я ж говорил, – отозвался невысокий худой мужик с колчаном за плечами. – Да разве пойдет волк к жилью? Тут до детинца рукой подать! Дед Водяной корову Лушкину сгубил! Выпрыгнул из воды, хватать – да поволок...

– Цыц! – буркнул Молчан, оглядываясь по сторонам. – Ступай, Никифор, да скажи всем – волк корову задрал.

– Да как же волк, дед Молчан? – Злата высунулась из-за моего плеча. – Сам же...

– Слушай, что говорят! – Ведун нахмурился и погрозил сестренке пальцем. – И ты ступай, да девкам скажи, чтобы лишнего не болтали – вон как смотрят.

Зрителей мы действительно собрали предостаточно: в паре десятков шагов за спиной Молчана собралась чуть ли не половина Вышеграда. Мужчины большей частью еще работали на полях, но женщины и дети толпились вдоль дороги и облепили все заборы поблизости. Даже скучавшие у ворот детинца гриди понемногу подтягивались все ближе.

Да уж, если не разогнать всю эту ораву сейчас, дальше будет только хуже...

– Скажи – пусть не пугаются, – закончил Молчан. – Волк – и дело с концом. А ежели услышу кто про Деда Водяного судачит – враз уши пообрываю... Ступайте, кому сказано!

Злата и Никифор удалились, и через полминуты толпа начала рассасываться. Может, местные и побаивались – а где-то даже и недолюбливали Молчана – но его авторитет сделал свое дело, и мы остались втроем.

Он, я и мертвая корова.

Выглядела буренка и правда неважно. Тут поработал кто-то посерьезнее волка... и покрупнее. Я опустился на корточки рядом с Молчаном, чтобы получше рассмотреть длинные резанные раны. Большая часть их приходилась на голову и шею, но досталось и бокам. Похоже, кто-то или что-то пыталось утащить корову в сторону реки, вцепившись длинными и острыми, как бритвы, когтями. Точно не волк... И вряд ли медведь – тут нужна лапища еще пошире... или скорее похожая на человеческую руку. Воображение тут же нарисовало что-то вроде увеличенного раза в три-четыре Фредди Крюгера.

– Лютое чудище. – Я приложил ладонь к окровавленной шкуре, прикидывая расстояние между когтями. – Кто таков? Ежели не волк...

– Да по всему выходит, что Дед Водяной и есть. – Молчан поскреб пальцами бороду. – Вот уж не думал, что снова такого увижу. Да еще и у города, считай. Они шуму не любят – оттого и встретишь их редко. Я-то еще помню, а остальные, поди, уже и забыли, каков он – Дед Водяной.

И отлично! Вряд ли кто-то в Вышеграде печалился, что твари с такими когтищами за последние лет сто-двести почти вымерли... Нет, скорее просто попрятались. А теперь снова повывезали из омутов. То ли из-за моего «неправильного» выхода из Царства Хель, то ли из-за близости обещанного Романовым Рагнарека.

– Так разве то худо, что забыли? – поморщился я. – И почто Водяной в Вышеград пожаловал? Оголодал?

– Нет, боярин. – Молчан помотал головой. – Он больше рыбу али гадов водных любит. Того добра в Вишинева в достатке – выходит, неспроста Дед на берег вылез. Видать, гневается на кого в Вышеграде – вот и пожаловал... Да кто ж старому навредить мог – ума не приложу!

Упс... Да, неловко вышло. Но делать нечего – надо признаваться.

– То я был, – вздохнул я. – На меня Дед Водяной осерчал.

– Вот тебе и раз. – Молчан хлопнул себя по бедрам. – Это ж как то случилось, боярин?

– Девку русалка утянула нашу... свейскую, то бишь, – тут же поправился я. – Видану рыжую. Я полез отбивать, пугнул копьём – так и вытащил. Да только Дед на меня, никак, обиделся. Наказать обещал.

– Вот прямо в воду и полез? – Молчан цокнул языком. – Совсем в тебе страху нет, боярин, ежели не убоился к Деду в гости наведаться. Речка – то его вотчина, там с ним не совладать. Ужели копьё убоился?

– Непростое у меня копьё. – Я пожал плечами. – Да только супротив русалочьей рати им много не навоюешь. Я их иначе пугал еще.

– И такое разумеешь? – Молчан явно удивился. – Покажи, коли не шутишь.

Скастовать «Внутреннее пламя» с полной шкалой духа, да еще и здесь, на берегу?

– Да можно показать-то... – Я огляделся по сторонам. – Да разве гоже тут – считай, у самого детинца?..

– Поди, не сломается, – усмехнулся Молчан. – Показывай, чем с Дедом Водяным сладил. Ну смотри. Вот так...

Кажется, я еще ни разу не бил «Пламенем» в полную силу. Синяя шкала враз высохла – но и эффект получился знатным. Шарахнуло так, что по примятой траве у берега будто прошла волна. По воде разошлись круги, и мне на мгновение показалось, что даже бездыханная коровья туша чуть дернулась. Молчан шагнул назад, прикрывая глаза ладонью – и тут же накинуся на меня.

– Да что ж ты делаешь, окаянный! – выругался он, потрясая посохом. – Разве ж так...

– Сам просил! – огрызнулся я. – Так теперь не серчай.

– И то верно, боярин. – Разбушевавшийся старец глубоко вздохнул, успокаиваясь, и продолжил уже тише. – Много в тебе силы, да умения нету. Знаю я, чем ты Деда Водяного прогнал. То пламя Сварога, огонь настоящий.

– Настоящий?..

– Не тот, который всякий запалить может. А истинный огонь, что Сварог в человеках зажег, – терпеливо объяснил Молчан. – Тот пламень не всякому виден, зато и осветить, и обогреть может вдесятеро против обычного. Ничего нет его сильнее – оттого и боится всякая навь огня Сварожьего пуще всего на свете. Вестимо, что Дед Водяной осерчал – ты ему, поди, все zenки спалил!

– И поделом! – Я сложил руки на груди. – Разве иначе прогнал бы?

– Я не Деда Водяного жалею, а тебя, бестолкового, уму-разуму учу. – Молчан погрозил мне пальцем. – Много в тебе огня того. Видать, особливо любит тебя Сварог-отец. Да только ж разве можно его весь зараз жечь? То дар бесценный, его тратить с умом надо!

– Как? – пробурчал я. – Не обучен я тому.

– Гляди. – Молчан выставил руку с посохом вперед. – Ежели огонь в себе чувствуешь – то и зажечь сможешь.

Я не сразу догадался переключиться на «Истинное зрение». В обычном мире ничего не изменилось, но в мире духов серую дымку озарял свет. Кончик посоха Молчана превратился в... факел?

Нет, скорее во что-то вроде то ли лампочки, то ли крохотной звезды. Колдовской огонь Сварога полыхал ярко – но не обжигал, а лишь чуть согревал: то же самое «Внутреннее пламя» – только маленькое, контролируемое. Не атомная бомба, а скорее реактор размером с небольшую монетку. Молчан «запыхивал» свой огонек точно так же, как я закачивал очки духа в острие Гунгнира перед ударом. Не так уж это и сложно. Если разобраться, можно обойтись и без посоха...

Я поднял руку, и на моей ладони вспыхнул точно такой же огненный шарик, как у Молчана.

Внимание. Изучено новое умение «Свет Сварога»!

Искорки творения, что родились еще до начала времен, живут в каждом человеке. Но лишь немногие могут управлять своим внутренним огнем. Видящему служит пламя, способное обогреть и нести свет – но и обжигать тоже.

Эффект: заклинатель создает в мире духов источник света, способный прогнать, ослабить или даже уничтожить потусторонние сущности. Свет может становиться видимым и в человеческом мире по желанию заклинателя. Стоимость (базовая) – 10 очков духа/сек.

Ничего себе «лампочка Ильича»! И фонарик, и батарея, и оружие одновременно. Я показал невесомый шарик живого огня по ладони и затушил, сжав пальцами. Пламя Сварога не обожгло – только чуть кольнуло кожу на прощание.

– Добро, боярин. – Молчан удовлетворенно кивнул. – Береги огонь Сварожий – он для ведуна самая жизнь и есть. И обогреет, и от любой напасти защитит. И зверя лютого, и навь недобрую прогонит... А пожелаешь – и вовсе дотла спалит. Но там умение особое надобно, не время еще того тебе знать!

Почти фаербол. Особенно если...

– Дед Молчан, скажи, – осторожно начал я. – А ежели супротив человека...

– Тьфу, окаянный! – Молчан грозно сверкнул глазами. – Ума нету, коли такое спрашиваешь! Огонь Сварожий – во всех людях есть. А ежели сыщется человек настолько поганый, что совсем в нем того огня не осталось... Не могу знать, боярин. Может, и обожжется черная душа – да только то мне неизвестно.

Ладно, ладно, нет – так нет. Хотя неплохо бы поджарить этим самым Сварожьим пламенем черные души... Черное Копье, к примеру.

– Ты бы лучше думал, как нам Деда Водяного отвадить, – буркнул Молчан.

– А сдюжим?

– Лучше бы, конечно, ведьмака покликать. Он супротив чудищ биться обучен, тут мы ему не чета... – Молчан протяжно вздохнул. – Да разве сыщешь его где сейчас?.. Были раньше в землях скловенских ведьмаки – да все вышли, как навь сгинула да попряталась. Так что придется самому тебе, боярин, Деда Водяного воевать.

– Мне?!

– Тебе, тебе, боярин. – Молчан усмехнулся. – Стар я уже для таких дел – куда мне по речке да по берегу за навью гоняться? Тут не только ум да сноровка ведовская, но и сила в руках нужна. Кроме тебя некому.

Глава 12

– Доброе место. – Молчан огляделся по сторонам и ткнул кончиком посоха в землю. – Здесь западню Деду Водяному и устроим.

Я молча кивнул. Небольшая сухая полянка в достаточном удалении от города – чего еще желать? Ноги не увязнут в топи, и вряд ли сюда забредет кто-нибудь из местных. Берег песчаный, а вода, похоже, неглубокая – так что удрать Водяному Деду будет непросто. Молчан придумал неплохой план добраться до речного чудища. И не нравилось мне в этом самом плане только одно.

Приманка.

– Не убоишься, девица? – Молчан прищурился. – Ежели оплошает боярин, утащит тебя Дед – не сыщем.

– Не боюсь! – Вигдис тряхнула рыжими кудрями. – Иначе нэкка вашего не поймать. Не выйдет он из речки.

– Можно овцой или коровой приманить... – Молчан потеревил бороду. – Да все не то. Водяные – они до девиц красных охочие. А тебя он уж заприметил. Теперь везде отыщет.

– Зачем ему девки-то? – проворчал я. – Жрет, поди?

– Да тьфу на тебя! Жрет... – Молчан помотал головой. – Сам ведь русалок видел, невест его. Думаешь, откуда они берутся?

– Так это что ж, он их всех?..

– Не всех. – Молчан направился к стоявшему посреди полянки деревцу. – Русалки – то утопленницы, девки молодые. Кто сама в омут с горя кинулась, а есть и те, кого люди лихие сгубили да в речку бросили. Тех Дед Водяной пожалел да к себе принял в хоромы подводные... Сам он редко кого с берега тащит – старый уже. А русалки – те да, шалят. Обида их, видать, берет, что больше солнышка не увидят, вот и злятся на девок. Особливо на молодых да пригожих.

– Ничего. – Я перехватил пальцами древко Гунгнира, временно превращенного обратно в посох. – Будет им солнышко... Такое солнышко – небо с овчинку покажется.

– Злой ты, боярин, – недовольно отозвался Молчан. – Русалки – они ж разве повинны, что такими стали? А ты их, никак, всех поубивать задумал, да с Дедом вместе.

– А ежели и так? – буркнул я. – Нечего им девок таскать... и коров драть. Приколол копьем – и дело с концом.

– Можно и приколоть, – вздохнул Молчан. – Можно, боярин... Да только дурное то дело. Дед Водяной – он упрямый, вредный бывает, да настоящего зла в нем нет. То не вурдалак поганый. Вот от кого никакого спасу нету... А Дед сам никогда первый не тронет, ежели не рассердит кто.

– Я Вигдис... Видану отбивал!

– Отбивал... Так то в какой час было? – Молчан поморщился. – Сказано же – не ходи к речке ночью – так не послушала! Всякая навь закон, что Родом писан, блюдет, днем из омота носа не кажет. А ночь – то не наше время, не людское. Не зря ж обычай испокон веков: как солнышко зайдет, в воду лезть не смей. Так забыли мы заветы отцовские – оттого, видать, и осерчала навь, да повылезала вредничать.

Или из-за близости того самого Рагнарека, конца света. Надо будет как-нибудь спросить у Молчана – вряд ли он может не догадываться о предреченной Романовым катастрофе. А заодно и про «Светоч», и про «чудищ не смертельных», и про все прочее... Но потом – а сейчас у нас дела поважнее.

– Так что ж, получается, Водяного живым изловить надобно? – уточнил я.

– Ежели сможешь, боярин. – Молчан покачал головой. – Коли одолеешь его – проси, чего пожелаешь – все отдаст Дед Водяной...

– Разве отдаст? – встряла Вигдис. – Нэkki хитры и коварны, им нельзя верить!

– Слушай, заноза, да не лезь, покуда говорю! – Молчан недобро сверкнул зелеными глазами. – Ты, боярин, как Деда изловишь – прикажи ему имя свое сказать. На первый раз не верь – то обман. И на второй не верь, а на третий Деду соврать никак нельзя. А уж если имя узнаешь – завсегда Водяного заклинять сможешь.

– Ладно. – Я пожал плечами. – Только как мне его одолеть да не прибить ненароком? Копьем-то ткнуть дело нехитрое – а вот изловить... У него ж когти – что ножи! Видал, как он корову?..

– Так ты ж не корова, боярин, – улыбнулся Молчан. – Дед Водяной ростом велик – едва ли не с избу. И когти у него острые – то верно. Да только нет в нем силы настоящей. Речка Деду дом родной, там он хозяин, а как вылезет на берег – так сам себя поднять не может. На четвереньках ковыляет да только ручищи-грабли тянет. Каждый палец у него разве что не с локоть длиной, а ударишь покрепче – так и переломится. Неспешный Дед Водяной на берегу, и колдовство ему никакое не сотворить. Ежели не пустишь обратно в речку – враз одолеешь. А дальше сам знаешь, что делать.

Логично, чтоб его... Закон Архимеда даже в «Гардарике» наверняка не отменял никто. И самая мощная туша в воде здесь весит куда меньше, чем на суше. И русалки, и их повелитель привыкли к своей стихии, а на берегу становятся малоподвижными и беспомощными...

Что, впрочем, не помешает им тупо задавить меня числом.

– А с русалками что делать? – Я вспомнил белесые морды и пасти, усеянные зубами-иглами. – Всем пальцы не переломаешь...

– Разве ты огонь Сварожий зажигать не обучен? На него ни одна русалка глядеть не сможет – враз ослепнет. – Молчан прикрыл глаза ладонью. – Поспеши, боярин. Солнце как сядет – тут-то Дед Водяной и появится. Давай, вяжи девку – да не накрепко! А то случись с тобой беда – хоть удрать сможет.

Я вздохнул и принялся приматывать Вигдис к дереву. Не нравилась мне эта идея. Вот хоть убей – не нравилась.

– Почто вязать-то? – пробурчал я. – Оставили бы на берегу – глядишь, и вылез бы Дед за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.